

Анатолий
Белоусов

Евангелие
от Морфея

18+

Анатолий Белоусов

Евангелие от Морфея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69645628

SelfPub; 2023

Аннотация

Лейтмотивом книги «Евангелия от Морфея» является тема любви. Путешествуя, главный герой романа попадает в странный, не нанесенный ни на одну географическую карту Город, где с ним происходит целая череда странных приключений и где он испытывает личную любовную драму. Роман является попыткой осмысления сущности любви. Именно осмысления, а не переживания, так как главный герой анализирует и препарировывает свои чувства, пытаясь перенести их из сферы эмоций, в сферу интеллекта. Вместе с тем все происходящее очень похоже на сновидение или даже целую череду сновидений (осознанных и не очень, мистических и реалистичных). Жизнь, похожая на сон. Сон, как средство преодоления смерти и выхода к иным сторонам жизни. Смерть, как один из аспектов любви. Все это переплетено воедино...

Содержание

Евангелие от Морфея	4
1	4
2	58
3	103
4	149
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Анатолий Белоусов

Евангелие от Морфея

Евангелие от Морфея (роман)

*Любовь придает смысл тому, что мы делаем,
хотя на самом деле этого смысла нет.*

Виктор Пелевин

*Is all that we see or seem
But a dream within a dream?*

Edgar Allan Poe¹

1

*Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать перестал.*

¹ Ужели всё – и сон, и бденье – Лишь сновиденье в сновиденье? Эдгар Аллан По

7 АВГУСТА, суббота

Он долго стоял, разглядывая забрызганный грязью дорожный указатель. На первый взгляд ничего особенного этот помятый металлический щит с ровными черными буквами на грязно-белой поверхности собою не представлял. Указатель как указатель. Сколько он их перевидел за последние три месяца, одному Богу известно. Удивляло то, что на указателе было написано.

– До чего странное название... – Александр отвел взгляд в сторону и задумчиво почесал покрытый трехдневной щетиной подбородок. – Странное и какое-то не совсем уместное. Никогда не встречал ничего подобного! Откуда в этих местах мог появиться город с таким названием?..

Криво усмехнувшись, он двинулся дальше. Шоссе было пустынно. За четыре с половиной часа, что он находился в пути, мимо проехало лишь десятка полтора машин, не больше. По обе стороны дороги возвышался сосновый лес. Как Александр ни старался переключиться на что-то другое, мысли его возвращались к указателю. «Что за ерунда?.. – думал он. – Насколько мне известно, до Глахова не должно было быть ничего подобного. Вообще ничего! Откуда здесь мог взяться город, да еще с **таким** названием? Ничего не понимаю...»

В сознании вдруг всплыла странная фраза, прочитанная

или услышанная им где-то: «Я – всё, что было, есть и будет, и мой пеплум не поднимал ни один смертный». Он попытался вспомнить, где ее слышал, или хотя бы определить, почему она пришла на ум именно сейчас, но так и не смог. Ладно, черт с ней... Пеплум так пеплум. А то, что не придется ночевать в лесу, это даже к лучшему. «Интересно, сколько я уже прошел? Километров семьдесят. Значит, до Глахова еще около ста шестидесяти. Нет, это просто великолепно, что здесь оказался город! Пусть даже (...почему не Фивы или Мемфис?..) с таким названием...»

Метров через семьсот дорога резко повернула влево, мрачный лес кончился, и взору его открылся необыкновенной красоты пейзаж. Город лежал в низине и с того места, где Александр стоял, был виден как на ладони. Узкая лента шоссе спускалась по арочному мосту, пересекала изогнутую, блестящую в лучах полуденного солнца реку и терялась где-то между невысоких строений, среди которых то здесь, то там попадались островки пышной зеленой растительности. Посреди одного такого островка торчало классическое «чертово колесо», вид которого неожиданно пробудил в Александре теплые, давно забытые чувства.

– Вот это да! – Он восторженно покачал головой. – Вот это я понимаю! Будь я проклят, если не задержусь здесь хотя бы на неделю. К черту поиски, пора подумать и об отдыхе.

Дальнейшие события лишний раз доказали ему, что никто, оказавшись вдали от дома, не застрахован от нежиз-

данностей. Не прошел он и пары кварталов, как на голову ему свалился человек. Это произошло так неожиданно, что Александр не успел ни увернуться, ни отскочить в сторону. Молодой парень лет двадцати пяти приземлился ему прямо на спину и, повалив на землю, буквально впечатал в цветочную клумбу.

– Мать твою так! – стряхнув с себя незнакомца, Александр приподнялся и сел. – Вы с ума сошли!

– Wow!.. Я извиняюсь. – Парень, кряхтя, встал на ноги. – Сам не знаю... ой!.. как так получилось. Сидел, курил...

Он принялся рыться в карманах.

– Вот, – протянул Александру черный пластиковый прямоугольничек, – моя визитная карточка.

– Да идите вы к черту! – Александр грубо оттолкнул его руку. – Вы мне чуть все ребра не переломали, а теперь суете какую-то карточку. Зачем она мне?

Ни капли не смутившись, парень засунул визитку обратно в карман, улыбнулся:

– Еще раз прошу прощения. Мне действительно жалко, что я свалился именно на вас.

– Дрыга! – Из открытого окна на втором этаже высунулся еще один «вьюнош», лохматый и бледный. – Живой? Ничего не сломал? – заметив Александра, сидящего в клумбе, он как-то странно хмыкнул и добавил, обращаясь уже к нему: – Здравс-сьте!..

– Дурдом какой-то, – пробормотал Александр.

– Вот, – размахивая руками, заорал Дрыга, – прекраснейшая иллюстрация к нашему с тобой спору! Судя по внешнему виду, этот человек – путешественник и уж явно не из местных. Я не ошибся?

Он выжидательно посмотрел на Александра, но тот промолчал.

– Не кажется ли тебе странным, что я вывалился из окна именно в ту минуту, когда он под ним проходил? И что проходил здесь именно он? И вообще, что я вот так **просто** взял и вывалился?!

– Не кажется, – задумчиво ответили сверху. – Заурядная случайность, ничего больше.

– Случайность?!

– Конечно, случайность. Вернее, случайность то, что здесь кто-то проходил. А то, что ты вывалился, это закономерность. Спросил бы лучше, может, ему чего надо.

– Ничего ему не надо. Я уже спрашивал.

– Дайте мне сигарету, – попросил Александр. – Если не жалко, конечно.

Ему очень не нравилось, что при нем говорят так, словно он глухой или слабоумный, совершенно не стесняясь его присутствия.

– Сигарету не жалко. Натe.

Дрыга достал пачку «Примы». Сигарета в пачке оставалась последняя, но Александра это нисколечко не смутило.

– Спасибо.

– Травитесь на здоровье.

Александр поморщился.

(...хамоватый тип...)

– А может, вам негде остановиться, раз вы не местный? – поинтересовались сверху. – Могу подкинуть адресок. Отдельная комната, причем недорого.

– Автостопом путешествуете или так на (...волосатом мотороллере...) своих двоих? – спросил Дрыга, комкая пустую пачку и отправляя ее себе в карман.

– Адресок? – Александр задумался. Вообще-то, ночевать где-то было надо. – Ладно, давайте. Если только действительно недорого.

– Трюффо, дом 14, корпус 2.

– Шутите?

– Если бы! Запишите. Это недалеко отсюда.

– Спасибо, я запомню.

– Хозяйку зовут Светлана Викторовна.

Дрыга захихикал.

– Сегодня суббота, думаю, застанете ее дома. Желаю удачи. – Молодой человек отошел от окна.

– Вот, – Дрыга многозначительно поднял указательный палец, – видите, как вам повезло. А если б я на вас не упал, где бы вы нашли комнату? Гостиниц в нашем городе, между прочим, нету.

– Что же мне теперь, благодарить вас за то, что вы меня едва не убили?

– И демиург ударил в ярости жезлом по камню цитадели... – вдохновенно процитировал Дрыга.

Наверху забренчала гитара.

– Всего хорошего. Надеюсь, еще увидимся. – Он развернулся и заковылял прочь.

Судя по походке, ногу при падении он все-таки вывихнул.

– Жду с нетерпением, – иронично отозвался Александр.

Отряхнувшись, он посмотрел на часы. Мысль о том, что ночевать сегодня придется не в лесу и не в грязной вонючей гостинице, наполнила его оптимизмом.

Отложив гитару в сторону, Барик порылся в пепельнице и, выбрав окурочек подлиннее, закурил.

«До чего же мне все осточертело, – подумал он. – Третий месяц топчемся на месте – и ни одной новой песни. А впрочем, что тут удивительного? Разве с этим придурком что-нибудь сделаешь! И зачем я ушел от Лысого? Была солидная база, была своя программа. Пусть дерьмовая, но была. А что теперь? Ни кола ни двора, да (...сбоку бантик...) в придачу этот... баклан! И ни одной новой песни за лето. Ни одной!»

Сердито раздавив окурочек в пепельнице, он покосился на дверь. словно под действием его взгляда, дверь распахнулась и в комнату влетел Дрыга.

– Нет, ты видел? – заорал он с порога, размахивая руками. – У этого парня под курткой была майка с Гленном Роджерсом! Я сперва подумал, мне кажется, а потом присмотр-

релся, так и есть!

– Ну и что? Подумаешь, тоже мне событие. – Барик сидел насупившись, вжавшись глубоко в кресло. – Готов поспорить, что этот мужик понятия не имеет о том, кто такой Гленн Роджерс, а на то, что нарисовано у него на майке, ему глубоко наплевать.

– Да ладно, брось. Дело-то ведь совсем не в этом.

– Конечно, не в этом. Дело в том, что мы в последнее время валяем дурака и совершенно ничего не делаем.

Несколько поубавив пыл, Дрыга пересек комнату, плюхнулся в свободное кресло и закинул ноги на подоконник. «Как он меня достал!.. – тоскливо подумал он. – Можно подумать, проблема во мне».

– Знаешь что, Барик? – произнес он проникновенно. – Кончай мудить, а? Четыре песни сделали? Сделали. Чего тебе еще надо?

– Четыре песни?! Да ни хрена мы с тобой не сделали. Если ты называешь эту пургу песнями, то ты такой же музыкант, как я... мясорубка!

– А что, мясорубка из тебя получилась бы отличная. Ты и на басу играешь, как на мясорубке. Я-то тут при чем?

– Слушай, заткнись, пожалуйста. Меня от тебя тошнит.

– Ну, так сходи проблюйся.

Несколько минут оба сидели молча, кидая друг на друга испепеляющие, полные ненависти взгляды. Солнце уже давно выползло из-за крыши соседнего дома, и его лучи пада-

ли на гитару, которую Барик прислонил к холодильнику. От ровной работы мотора холодильного агрегата гитара слегка подрагивала, а по потолку бегали солнечные зайчики.

Первым не выдержал Дрыга.

– Для тебя что важнее: рубить бабки или заниматься искусством? – все еще с легким раздражением спросил он. – Неужели ты не понимаешь, что музыка и коммерция – две вещи не только несовместимые, но и глубоко противоположные друг другу по духу?

– А неужели ты не понимаешь, что для того, чтобы сделать хорошую музыку, нужны деньги?

– Как мы можем делать хорошую музыку, если ты думаешь не о музыке, а о том, как и кому ее повыгоднее продать?

– Я думаю не о том, как ее продать, а о том, станет ее кто-нибудь слушать или нет.

– А тебе не один хрен?

Барик схватил со стола пустую пивную банку, повертел ее в руках, скомкал и зашвырнул в угол.

– Пойми, мы не можем не думать о слушателе, – с жаром заговорил он. – Если ты хочешь писать песни только для себя, то можешь вернуться в свою кочегарку, а о сцене забыть.

– Между прочим, именно в кочегарке начинали свою карьеру многие из современных рок-звезд, – рассмеялся Дрыга. – Цой, например.

– До Цоя тебе, как до Америки пешком, – съязвил Барик.

Дрыга ничего не ответил. Он вспомнил, как год назад иг-

рал в группе Попугайча и как после скандала в «Бульдоге» его оттуда выперли. Честно говоря, особого удовольствия от общения с Попугайчем он не получал. Тупой и совершенно бездарный ублюдок, ничего больше. Зато, пока он был в группе, ему платили деньги. И неплохие, если учесть, что на концертах он никогда не выкладывался полностью, а на репетициях появлялся через раз.

Дрыга вздохнул:

– Ладно, давай попробуем еще раз. Пишем ритм-секцию.

Он полез за ударную установку.

– Ида была права, – вяло отреагировал Барик, подключая бас-гитару к усилителю, – выше Клуба железнодорожников тебе не подняться. Одного не понимаю, я-то зачем с тобой связался?

– Я эту белобрысую стерву когда-нибудь точно убью! – Дрыга несколько раз ударил по барабанам. – Болтает, чего не надо...

– Фанеру слушай внимательно!

Барик надел наушники, пробежался пальцами по клавиатуре компьютера. Дрыга поморщился, но выступать, как в прошлый раз, не стал. Через несколько минут воздух наполнился звуками музыки.

Когда она вернулась из душа, вода в кастрюле уже начала кипеть. Придерживая одной рукой намотанное на голову полотенце, Анна нагнулась и осторожно убавила газ. Ко-

ротенький белый халат, накиннутый на голое тело, при этом слегка распахнулся, и она машинально затянула пояс потуже. Интересно, промелькнула глупая мысль, а если бы здесь сидел **ОН**, вела бы я себя так же или, наоборот, ослабила бы пояс еще сильнее? Эта мысль застигла ее врасплох, и она замерла посреди кухни.

«Боже мой, какая я дура! – растерянность сменилась раздражением, переходящим в легкое негодование. – Откуда **ЕМУ** здесь взяться? Столько раз обещала никогда больше не думать о **НЕМ**, и ничего не могу с собой поделать. Глупо! Мы и вместе-то были всего пару раз, прошло почти два года, а я до сих пор не сумела стереть **ЕГО** из памяти...»

Резким движением сорвав с головы полотенце, Анна швырнула его на стул, взяла со стола дощечку с нарезанным картофелем и осторожно, чтобы не забрызгать плиту, запустила картошку в кастрюлю. Накрыла крышкой (*...вот тебе!*), схватила со стула влажное полотенце и вышла в коридор.

«Хватит, сколько можно себя жалеть? – рассуждала она, расчесывая перед зеркалом длинные черные волосы. – Вон Светка тоже одна, и ничего. Я-то **ЕГО** уже сколько не видела, а у Светки ее ненормальный почти каждый день перед глазами. И хоть бы раз внимание на нее обратил. Ходит вечно сутулый, ни о чем, кроме своих идиотских книжек, не думает...»

Ей вспомнилась последняя вечеринка. Светка тогда наде-

ла свое лучшее платье, черное с декольте, весь день накануне провела в парикмахерской... В общем, выглядела обалденно. Все парни только на нее и пялились, а этот растяпа просидел весь вечер в углу и даже не посмотрел в ее сторону. С профессором истории разговаривал. А ведь отлично знал, что это платье она надела специально для него. Какие эти мужики козлы! Защелкнув волосы заколкой, она еще раз взглянула на себя в зеркало, после чего вернулась на кухню.

Вставив в магнитофон кассету, Анна достала из холодильника рыбу. Голос Джули Круз, лившийся из динамиков, на какое-то время отогнал от нее все нежелательные мысли. Она даже начала пританцовывать в такт музыке и попыталась подпевать, но так как владела английским недостаточно хорошо, очень скоро перешла на невнятное бормотание. А вездесущий внутренний голос, так редко оставлявший ее в покое, вернулся снова.

Когда я видела **ЕГО** в последний раз, вспоминала она, у **НЕГО** был «шевроле». Крутой парень на классной иномарке. Интересно, чем **ОН** сейчас занимается? Наверное, уже давно перебрался за границу. В Швейцарию или Италию... Она закрыла глаза, пытаясь представить себя **рядом с НИМ** на палубе прогулочной яхты где-нибудь на южном побережье Франции. Средиземное море, чайки... Соленый морской ветер играет ее волосами, время от времени забиваясь под подол легкого платья, чтобы повыше задрать его. Она прижимает платье рукой, но не сильно (...*совсем как Мэри*

лин Монро...)). Важно выглядеть в **ЕГО** глазах привлекательной и сексуальной. **ОН** стоит рядом, одной рукой нежно обнимая ее за талию, а в другой сжимая бокал с шампанским.

– I want you, welcome back inside my heart... – обворожительно и томно пела Джули Круз.

Анна моргнула, видение белоснежной яхты исчезло. Она снова оказалась на своей кухне, уютной и чистой, но, пожалуй, чересчур маленькой и не совсем современной. Старая мебель, давно устаревший, готовый вот-вот выйти из строя холодильник, допотопная газовая плита... Все это выглядело таким уродливым и убогим по сравнению с тем, что рисовала она в своем воображении. Все это так раздражало. «Лучшие годы жизни я провожу одна, среди этого хлама, – подумала она. – Самые лучшие и самые... А что будет дальше?!»

Мысль о том, что может быть дальше, настолько испугала ее, что Анна поспешила как можно скорее отогнать ее прочь и, вернувшись к разделочной доске, с удвоенной энергией принялась орудовать ножом. Нет! Со мной **такого** не случится. С кем угодно, только не со мной. Я слишком молода, слишком умна и красива, чтобы всю жизнь провести среди этой мерзости. Работа – дом, дом – работа, вечная нехватка денег, идиот муж... Нет, с кем угодно, только не со мной!..

После обеда она хотела пойти к Светке, но вспомнила, что через неделю ей сдавать курсовую работу, а она к ней еще даже не прикасалась. Тема была довольно простая, но до невозможности скучная. Несколько раз в течение месяца

Анна делала над собой усилие и принималась-таки за работу, однако дальше верчения в руках карандаша и бессмысленного созерцания рисунков на обоях или фотографии Леонардо Ди Каприо дело не шло. Точно так же все обстояло и сегодня. Несколько минут она собиралась с духом, затем решительно пододвинула стул к письменному столу и, выхватив из толстой пачки чистый лист, твердым почерком написала на нём: «МОРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА и ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ». Поколебалась и, раздраженно скомкав листок, швырнула его в корзину для бумаг. Выходило что-то не то.

Господи, как же мне все надоело! Ну чего ради я торчу сейчас, как последняя дура, в четырех стенах, когда на улице солнце, а у Светки уже наверняка начинает собираться тусовка?.. Мысли возникали сами собой, помимо всякой воли, и были они о чем угодно, только не о работе. Ну, закончу я институт, что дальше? Всю жизнь учить неблагодарных оболтусов бесполезным знаниям за какие-то копейки? Подрабатывать уроками на дому? Да кому это нужно!..

«Нет, надо срочно выходить замуж, – полушутя-полусерьезно решила она. – Замуж за преуспевающего бизнесмена. Или за адвоката. Не важно! Главное, чтоб у него были деньги...» Еще раз с сомнением взглянув на толстую кипу чистых листов, Анна положила карандаш и встала из-за стола. Часы в гостиной показывали без четверти пять. Самое время сделать небольшой перерыв. Никуда эта несчастная работа не

убежит. Не сделаю сегодня – сделаю завтра. Главное, не надо нервничать. До защиты еще целая неделя, а если хорошо постараться, то весь реферат можно написать дня за четыре. А что? И очень даже просто!..

Пританцовывая перед зеркалом, она скинула халат, натянула трусики и с трудом влезла в узкие черные джинсы. Долго копалась в шкафу, пока не нашла свою любимую блузку (...*ту самую*...). Еще раз окинула себя взглядом и, надев черные туфельки на высоком каблуке, выбежала на улицу.

Нужный ему дом он нашел, когда было далеко за полдень. Между тем Александр почти не заметил, как прошли те несколько часов, что он шатался по городу. Время пролетело незаметно, словно за игрой в бильярд. С каждой минутой, проведенной здесь, город поражал его все больше и больше. Каким-то внутренним чутьем Александр ощущал, что оказался именно там, куда так страстно стремился. И чем дольше он тут находился, тем сильнее становилась его уверенность. Три месяца бесплодных поисков, и вот...

«Неужели **это** здесь?! – спрашивал он себя. – Неужели город с таким дурацким названием и есть то место, которое я разыскивал?.. – ему вспомнился забрызганный грязью дорожный указатель на обочине дороги. – Но почему? Согласно моим расчетам, еще слишком рано!.. – его охватили сомнения. – А может, не слишком? Может, в самый раз? Ведь чувствую же я **это**. Ведь что-то же я ощущаю. Или мне толь-

ко кажется?..»

Домик, в котором ему должны были сдать комнату, находился на самой окраине и стоял несколько в стороне от остальных. Пройдя по песчаной дорожке до крыльца, Александр остановился перед деревянной дверью приятного кофейного цвета и, не найдя ни кнопки звонка, ни чего-либо подобного, просто постучал. Дверь открыла симпатичная брюнетка. Лет двадцати на вид, невысокая, но хорошо сложенная.

– Извините, мне бы... Светлану Викторовну, – попросил Александр. – Я ищу комнату, и мне сказали, что...

– Все правильно. Я сдаю комнату. – Девушка улыбнулась. – Проходите.

Она посторонилась, Александр вошел внутрь. С первых же шагов его поразил царивший повсюду беспорядок. Пустые коробки, бутылки, предметы верхней одежды... Все это валялось как попало и где попало. Создавалось впечатление, что совсем недавно здесь устраивали шумную гулянку, прибраться после которой до сих пор не успели. В огромной гостиной, куда он проследовал за хозяйкой, Александр увидел еще одну девушку, внешне чуть старше владелицы дома. Он поздоровался, девушка рассеянно кивнула в ответ.

– Это по поводу комнаты, – пояснила ей хозяйка. и, обращаясь уже к Александру, добавила: – Прошу вас.

Она указала на дверь справа. За матовым стеклом оказался коридор. Довольно длинный и довольно темный. Следуя

за своей провожатой, Александр пару раз обо что-то споткнулся и едва не расшиб себе лоб, налетев в самом конце на вынырнувший из темноты деревянный столб.

– Сюда. – Девушка остановилась в конце коридора, широко распахнув оказавшуюся там дверь. – Ваша комната здесь. Постельное белье свежее, телевизор в рабочем состоянии. Душ налево по коридору, туалет чуть дальше. За все – семьсот рублей в месяц.

– Да, недорого, – согласился Александр. – Не знаю как на месяц, но... на пару недель я бы у вас задержался.

– Что ж, как вам угодно.

Перешагнув порог своего нового жилища, Александр снял рюкзак и бросил его на кровать. Комната оказалась не слишком большой, но по сравнению с тем, что он видел в холле, здесь было довольно уютно и чисто.

– Располагайтесь, привыкайте. Я буду в гостиной. – Девушка улыбнулась. – И когда пойдете обратно, не забывайте, пожалуйста, про колонну.

– Какую колонну?! А-а-а... – Он рассмеялся. – Вы про тот столб...

Улыбнувшись, девушка вышла.

Оставшись один, Александр еще раз осмотрелся, приходя к заключению, что комната ему действительно нравится. Все здесь было устроено простенько, но со вкусом. Пружинистая кровать, стол, пара мягких стульев. У окна – тумбочка с телевизором, а рядом с тумбочкой что-то вроде кушетки. Зе-

ленные обои, зеленые шторы на окнах, пестрый с преобладанием зеленого оттенка ковер над кроватью. На противоположной стене – пара книжных полок. Пробежавшись взглядом по корешкам, Александр отметил, что здесь была собрана литература преимущественно философского характера: Платон, Аристотель, Кант... пара томов Лейбница... Декарт, Фрэнсис Бэкон. «Философия общего дела» в соседстве с «Тошнотой»... «Несколько не вписывается в общую картину «Молот ведьм» Шпренгера & Кремера, хотя... – Александр улыбнулся, – это еще как сказать».

Закончив осмотр, он достал из рюкзака чистый костюм, переоделся. Никакой усталости не ощущалось, а потому он решил еще немного побродить по городу. Кроме того, в голову пришла интересная мысль, и Александру не терпелось проверить свою догадку. В коридоре, забыв о предупреждении хозяйки, он снова налетел на колонну, выругался, а потом рассмеялся. Прямо как в том анекдоте про грабли...

В гостиной, к его удивлению, никого не было. Откуда-то из прихожей доносились голоса, и он решил, что, скорее всего, Светлана пошла провожать свою подругу. Александр присел на диван. От нечего делать он достал бумажник, отсчитал семьсот рублей и положил их вместе с паспортом в карман пиджака.

Светлана вернулась довольно скоро, но и на этот раз она была не одна. Вместе с ней в гостиную вошла новая девушка. Высокая, в черных обтягивающих джинсах и коротень-

кой белой блузке. С первого же взгляда на нее Александр почувствовал, как в области солнечного сплетения у него что-то сжимается.

– Вот, – он неуклюже поднялся с дивана и сделал пару шагов навстречу хозяйке, – паспорт и деньги за две недели, плюс еще за две, в качестве гарантийного залога.

Сказал и не узнал собственного голоса.

– Очень хорошо. – Светлана взяла деньги. – Паспорт можете оставить у себя. Надеюсь, вам здесь понравится.

– Я тоже на это надеюсь, – медленно проговорил Александр.

Все это время взгляд его был прикован к девушке в белой блузке. Она стояла неподвижно с широко открытыми глазами, в которых замер то ли легкий испуг, то ли удивление. Возникла неловкая пауза.

Молчание нарушила хозяйка дома:

– Вы знакомы? – Вопрос был обращен к обоим сразу.

– Знакомы? Н-нет, не думаю. – Александр отвел взгляд в сторону, сконфуженно кашлянул. – Я в вашем городе впервые.

– Нет, – девушка улыбнулась, – по-моему, мы **не** знакомы.

– Александр Тагес, – представился он.

И снова собственный голос прозвучал словно издалика.

– Я сдала ему комнату, – пояснила хозяйка подруге, – на полмесяца.

– Смирнова Анна. – Девушка на секунду задумалась, по-

том добавила: – Странно, мне кажется, я вас уже где-то видела...

Она пересекла гостиную и села в свободное кресло. Черты ее лица были теперь совершенно спокойны, даже чуть насмешливы. В них не осталось и тени прежней растерянности.

– Мы собирались пить чай, – с несколько преувеличенной любезностью сообщила хозяйка. – Вы не составите нам компанию?

– С огромным удовольствием, только в другой раз. – Александр виновато развел руками. – У меня назначена очень важная встреча.

– Ну что ж, тогда не будем вас задерживать. Вот, возьмите... – Она протянула ему небольшой черный футлярчик. – Здесь два ключа. Один от парадного, другой от бокового крыльца. С черного хода вы можете попасть к себе в любое время суток.

Взяв ключи, Александр поспешно вышел на улицу.

С самого утра настроение у нее было хуже некуда. И как обычно, все началось с пустяка. Умывшись и поставив чайник на огонь, Ирина заглянула в календарь. Этот нехитрый ритуал она проделывала каждое утро изо дня в день и очень гордилась, что ни разу за последние два года не изменила своему правилу. На сегодня календарь не обещал ничего хорошего: «День весьма сложный. Возможны конфликты. Во избежание их постарайтесь быть сдержанным». Она покоси-

лась на полуприкрытую дверь спальни. Тоже мне новость. Можно подумать, бывают дни, в которые конфликт невозможен.

– Вовка! – крикнула она сердито. – Половина восьмого. Вставай!

Как можно было ожидать, никакого ответа из спальни не последовало.

– Вставай, я тебе говорю! – проорала она, распахивая дверь настежь и зажигая верхний свет. – Ты меня знаешь, третий раз повторять не буду.

Но и эта фраза не произвела на спящего почти никакого эффекта. Единственное, что он сделал, это пробормотал какую-то нечленораздельную ерунду, перевернулся на другой бок и накрыл голову подушкой. ЕЁ ПОДУШКОЙ! Ирина почувствовала, как начинает закипать. Обычно в такой ситуации она стремительно подлетала к кровати и, сорвав подушку у него с головы, несколько раз больно щипала Вовку за нос или за ухо. Понятно, что после такой экзекуции он просыпался как миленький и, соскочив с кровати, принимался на нее орать, но... Но главное, он просыпался! Главное, она добивалась от него того, что хотела.

Однако сегодня все получилось совсем иначе. Как только Ирина приблизилась, он совершенно для нее неожиданно скинул с себя одеяло и, повалив ее рядом с собой, схватил за нос:

– Попалась! – В голосе его был явный переизбыток тор-

жества.

Он упивался своей победой. Он был вне себя от радости, что так ловко ее провел!.. И тогда, хотя он не причинил ей совершенно никакой боли, Ирина сжала кулак и изо всей силы ударила его по лицу. Никто не спорит, она погорячилась, но разве могла она поступить иначе? Разве могла она позволить этому самодовольному ничтожеству одержать над ней верх?! И хотя меньше чем через двадцать минут инцидент был полностью исчерпан, он просто выкинул его из головы как нечто несущественное, ненужное (*...одно слово – Дрыга!*..), для нее весь предстоящий день был испорчен.

На работе, будучи не в силах сосредоточиться, Ирина ужасно нервничала, что напрямую отражалось на ее посетителях. Сначала она пыталась держать себя в руках, но это ей удавалось недолго. Своей бестолковостью эти люди могли довести до белого каления кого угодно! Во избежание серьезных неприятностей она закрыла библиотеку на два часа раньше положенного срока и, чтобы хоть как-то развеяться, забежала к Светке. Но и это не помогло. Чуть ли ни следом за ней приперся какой-то мужик, назвавшийся новым постояльцем, Светка повела его смотреть комнату и по обыкновению начала корчить из себя этакую аристократку... В общем, как только она вернулась, Ирина забрала у нее выкройку, попрощалась и ушла. Портить отношения с подругой не хотелось.

«Ну вот, – рассуждала она, направляясь к автобусной

остановке, – а еще говорят, что астрология не наука. Весь день одни неприятности! Как после этого не верить тому, что предсказывают звезды?..» Собственно говоря, к горячим приверженцам астрологии она себя не причисляла. Дальше газетных прогнозов и зодиакальных гороскопов ее интересы не простирались. Но в календарь она верила! И если в нем было написано, что день неудачный, неудачи **действительно** преследовали ее с утра до вечера. Что делать, от судьбы не уйдешь.

Было душно и тесно. Автобус страшно трясло, и сверток, лежавший у нее на коленях, то и дело подпрыгивал, все время норовя упасть на пол. «Дура, – ругала она себя, – зачем напросилась? Могла бы просто встать и уйти, а теперь вот тащись на другой конец города...» Выкройки нужно было занести Нине.

– Билет! – услышала она над самым ухом неприязненный голос. – Оплачиваем за проезд!..

Смерив кондуктора презрительным взглядом, Ирина двумя пальцами извлекла из сумочки проездной и, помахав им перед носом кондуктора, небрежно швырнула обратно. «Эти представители сумчатых – прямые наследники иудейских мытарей!.. – она усмехнулась. – "Оплачиваем за проезд"... Вот вам, пожалуйста, еще один... бездарь. Оплачивают проезд, а "за проезд" платят. Чему их только в школе учили?..»

В памяти почему-то возник мужчина, так некстати пожелавший снять у Светки комнату. Усталый и пыльный, с ка-

ким-то совершенно невообразимым рюкзаком за спиной, это человек не вызвал у нее тогда ничего, кроме раздражения. Теперь же, вспоминая черты его лица, его несколько сконфуженное «Добрый вечер!», Ирина с удивлением поймала себя на том, что испытывает к нему если не симпатию, то по крайней мере... сочувствие.

Она вспомнила детство. Маленький гадкий утенок с рыжими косичками и веснушчатым носом. Ее дразнили все. Дразнили в детском саду, дразнили в школе, дома. И очень рано она поняла, что в отличие от старшей сестры, в семье она была нежеланным ребенком. Чуть позже, во время одного из скандалов, ее мать призналась в пылу, что очень жалеет о том, что не успела вовремя сделать аборт. Этих слов Ирина не простила ей до сих пор. А тогда... Тогда ей захотелось умереть или просто собраться и уйти. Убежать из этого дома навсегда и никогда больше не возвращаться в него! Часто по вечерам, сидя на своем диванчике, поджав колени, одна, в темноте, она пыталась представить себя бредущей по пыльной проселочной дороге. Девятилетняя девочка в стареньком платье, с узелком за спиной... И ей становилось так жалко себя, что она начинала плакать...

Из автобуса она вышла, не доехав одной остановки до пункта назначения. Почему-то захотелось пройтись пешком. Вспоминать детство Ирина не любила и делала это крайне редко. Нечего ей вспоминать, да и незачем.

Уже возле подъезда она столкнулась с Нинкиным мужем.

Красный, со сбившимся набок галстуком, он выскочил на улицу, едва не сбив ее с ног. Сверток с выкройками упал на землю. Вместо того чтобы поднять его и извиниться, он смачно выругался и, размахивая руками, помчался вверх по улице.

– Ну вот, – Ирина сама подняла сверток, стряхнула с бумаги пыль, – а говорят, астрология не наука...

– Сука! Су-ука!! – донес до нее ветер. – Блудливая тварь!..

Она зашла в подъезд. Лифт не работал, поэтому подниматься пришлось пешком.

– Чьё?! – Сергей стоял посреди комнаты, сжимая в руках **чужие** подтяжки. – Я нашел их в ванной. Откуда в моем доме появилась эта мерзость?

На мгновение Нина растерялась. Лицо ее побледнело, глаза забегали. Но только на мгновение. Через секунду она уже полностью овладела собой.

– Я спрашиваю, как эта гадость могла попасть ко мне в ванную?

Сергей бросил подтяжки на пол.

– Что ты орешь? Я была на рынке и мне перевязали **этим** фруктовый пакет.

– Этим?! – Сергей пнул подтяжки ногой.

Взлетев в воздух, они повисли на люстре.

– Этим?!!

– Да, этим. – Голос ее был спокоен и тверд.

– Ты меня что, совсем за дурака держишь? Свертки пере-
вязывают веревкой. И вообще, какого дьявола тебе делать на
рынке?

– Я ездила в ателье, а на обратном пути ужасно захотела
чего-нибудь...

– Где сверток? – перебил он.

– Какой сверток? – На лице у нее промелькнула прежняя
растерянность.

– Где сверток, который ты привезла, дура?!

– Апельсины в холодильнике, ананас на столе. Бумагу, в
которую все это было завернуто, я выкинула.

– Бумагу выкинула, а подтяжки повесила на крючок в
ванную, да? Наверное, потому что они совершенно новые и
очень дорогие.

Сергей ринулся к холодильнику.

– И вообще, – заорал он с кухни, – эти цитрусы лежат здесь
уже третий день. Ну! Я же отлично помню.

– Эти цитрусы появились там только сегодня.

– А где в таком случае те? – Он вернулся в комнату. – И
где бумага от свертка?

– Сколько можно повторять? Бумагу я выбросила.

– В окно?

– В мусоропровод. Я надеюсь, ты туда не полезешь?!.

Заверещал телефон. Сергей заметался по комнатам в по-
исках трубки.

– Да! Слушаю вас! – заорал он, обнаружив ее в библиотеке под диванчиком.

– Извините, пожалуйста, – услышал он приятный (и, кажется, до боли знакомый) мужской голос, – я, наверное, ошибся номером...

– Кого вам надо?!!

Пошли короткие гудки.

– Кто там? – Нина закусилла нижнюю губу.

– Наверное, продавец с базара, – съязвил Сергей. – Просил подтяжки вернуть.

– Очень смешно...

Несколько секунд он стоял неподвижно, затем с силой швырнул трубку об стену. Пластмассовые осколки брызнули в разные стороны.

– И чего ты хочешь этим добиться? – не повышая голоса, произнесла Нина. – Твои беспочвенные обвинения просто смешны. А сам ты... Ты выглядишь как последний идиот, ломающий вещи в собственном доме.

– Я и есть идиот, потому что не сумел разглядеть тебя сразу. Я вкалываю как ишак, я с утра до вечера верчусь, зарабатывая для тебя деньги. А когда прихожу домой, то вместо любящей жены нахожу здесь вот это!..

Сдернув подтяжки с люстры, он швырнул их ей в лицо.

– Да! Да!! Я тебе изменила и имею на это полное право! – завопила в ней ущемленная гордость. – А знаешь с кем? С Карлом Маркусом. И знаешь почему? Да именно потому, что

ты крутишься с утра до вечера, как вошь на гребешке, потому что тебя никогда не бывает дома, а если ты здесь изредка появляешься, то только для того, чтобы пожрать или выспаться. И ты называешь это жизнью? А может, ты думаешь, что я не живой человек? Может, ты думаешь, что я могу обходиться без тепла и ласки, что мне очень весело сидеть здесь одной в четырех стенах? Вспомни, когда мы последний раз занимались любовью? Да у тебя же он не стоит уже от этой проклятущей работы!..

Сергей не дал ей договорить. Не размахиваясь, он ударил ее по лицу. Совершенно этого не ожидая, Нина не сделала даже слабой попытки закрыться. Удар пришелся точно в переносицу, она пошатнулась и мягко опустилась на пол. Из носа у нее потекла кровь.

– С-сука, – процедил он сквозь зубы, наблюдая за тем, как кровь его жены капает на новый ковер. – Я завтра же подаю на развод и клянусь, не оставлю тебе ни копейки. Ты выметись из **моего** дома с тем же, с чем сюда притадилась. Тебе ясно?..

Нина всхлипнула.

– И как ты смеешь обвинять меня в том, что я уделяю тебе мало времени? – спросил он. – Не на тебя ли я трачу все свои силы, не для того ли я вкалываю как проклятый, чтобы ты могла покупать свои поганые тряпки, дорогие побрякушки и каждый месяц летать в Грецию или на Канары?

Он схватил первую подвернувшуюся под руку шкатулку с

драгоценностями и высыпал ее содержимое на пол.

– Ну, чего заткнулась?

– Какой же ты... мерзавец, – тихо, но отчетливо сказала она, – как же я тебя ненавижу!

– Ты меня ненавидишь? – Он присел на корточки, заглядывая ей в лицо. – Ну, так катись отсюда, кто же тебе мешает? Или ты скажешь, что не изменяла мне никогда раньше? Или что хоть раз нашла в кармане моего пиджака чей-нибудь лифчик?..

Нина молчала.

– Тогда я отвечу сам. – Сергей выпрямился. – Вся твоя жизнь – дерьмо, и всё, к чему ты так жадно стремишься, я презираю. Будь ты проклята, потаскуха! Я больше не желаю иметь с тобой ничего общего...

Он хотел добавить что-то еще, что-нибудь до невозможности обидное, но от перевозбуждения и злости слова застредали в горле. Тогда он развернулся и, громко хлопнув дверью, выскочил из квартиры.

Нетрудно догадаться, что никакой встречи у него назначено не было. Во что бы то ни стало он хотел убраться из гостиной, а для этого годился любой предлог. Гуляя по городу без всякой конкретной цели, Александр пытался разобраться, что же такое с ним произошло. Кто эта девушка, действительно ли он не видел ее раньше?.. Нет, кажется, не видел. Но тогда почему она так поразила его, если не сказать больше?..

Светом и зеленью, своей тихой размеренной жизнью, своей архитектурой город Александру очень понравился. Дома здесь в основном были одно- и двухэтажные. Высотных зданий он нашел только два – жилой десятиэтажный дом в центре (по всей видимости, элитный) и белая пятиэтажка, принадлежавшая мэрии. Автомобильное движение оказалось не слишком интенсивным, от чего город только выигрывал. Парки и скверы содержались в безупречном состоянии. А за городом протекала сказочной красоты река. Сугута, как он узнал впоследствии.

Сидя на берегу и наблюдая за резвящимися на той стороне мальчишками, Александр думал. Думал о том, какая все-таки странная штука любовь. Она подкрадывается незаметно, неслышно и вдруг наваливается на человека всей своей тяжестью, терзая и мучая его, а порой доводя до безумия. Любовь... Сколько о ней написано, сколько спето, но стала ли она от этого понятнее? Развеялся ли хоть немного ореол тайны, окружавшей ее? Едва ли...

Когда-то давно Александр попытался дать свою трактовку любви, желая вплести это загадочное явление в общий контекст своей мировоззренческой картины. «На уровне абстрактного понятия, – рассуждал он, – любовь есть стремление человека к слиянию с Абсолютом. Любовь между Мужчиной и Женщиной – это первая попытка из двух разрозненных "Я" сделать одно общее. Это первый опыт на долгом пути собирания каждого отдельного "Эго" в "Эго Абсолют-

ное" ...» Что ж, получилось довольно отвлеченно и сухо. А самое главное, выигрывал ли он от того, что **сумел объяснить** любовь?.. Сначала появилась Боль, затем Грусть и, наконец, **Смерть**. Любовь умерла, а он остался жить.

Александр вздохнул, бросил в воду камешек. «Анна, – подумал он, – красивое имя...» Перед глазами возник образ девушки. Нежные правильные черты лица, длинные черные волосы и широко раскрытые серо-голубые глаза. В этих глазах отражался весь мир, вся Вселенная! Настолько глубокие и настолько прекрасные, что утонуть в них не составляло никакого труда. А глаза, как известно, зеркало души...

«Хватит! – бросив в воду еще один камень, он встал. – Достаточно с меня того, что уже однажды случилось. Не за тем я сюда пришел, совсем не за тем. Тоже мне, деятель, нашел время влюбляться!.. Нужно искать помещение, собирать людей, а я вместо этого валяю дурака. Нет, так дела не делают! Завтра же приступаю к активной работе, а сегодня... Ну, а сегодня день все равно пропал».

На обратном пути Александр зашел в экспресс-бар. Был уже вечер, а он еще даже не обедал. Столовые в это время закрыты, в ресторан – дорого. Ну да ничего, перекусить можно и здесь. Свежий воздух, приятная музыка. Народу почти никого.

Столики стояли сразу у входа в парк, прямо под открытым небом. Александр ел не спеша, с наслаждением. За столом напротив сидел мужчина в дорогом костюме и пил коньяк.

Вид у него был какой-то потерянный, мужчина часто вздыхал, что-то бормоча себе под нос. Заметив Александра, он взял бутылку и подошел к нему. Больше в баре посетителей не было.

– Извините, не помешаю? – вежливо спросил он.

– Нет, отчего же, – Александр улыбнулся, – буду только рад. Присаживайтесь.

– Барский Сергей Николаевич, – представился незнакомец. – Коммерсант.

– Очень приятно. Александр.

Мужчина отхлебнул из бутылки, закурил:

– Будете?

– Нет. – Александр покачал головой. – Предпочитаю пиво.

– Ну, как знаете.

Помолчали.

– Все женщины делятся на два типа, – сообщил Сергей Николаевич, делая еще один глоток из бутылки. – Первый тип – это самопожертвенная и любящая, а второй – эгоистичная и коварная, желающая только брать и совершенно ничего не дающая взамен. Такая может лишь требовать или попрекать. Мне не повезло. Моей женой оказалась именно эта, вторая.

Александр ничего не ответил. «Интересно, – подумал он, – почему этот тип хлещет из горла, когда рядом стоит стакан?..»

– Вы женаты?

– Нет. Пока нет.

– Счастливец, – Барский раздавил окурок в пепельнице, – как я вам завидую.

– Что, семейные неприятности?

– Угу, если это так можно назвать. – Он рассмеялся. – Нет, нет, у меня все в порядке. Просто моя жена оказалась блядью. Здорово звучит, да?

Александр поморщился. Он уже давно закончил есть, а разговор был ему неприятен.

– И заметьте, такое случается далеко не впервые.

– Что ж, случается всякое.

– Согласен, но что прикажете делать мне? Застрелиться? Пристрелить эту стерву? Развестись?! – Он отхлебнул из бутылки. – Я ума не могу приложить, чего еще этой твари надо? У нее есть все: машины, дачи, квартира... Я зарабатываю больше, чем она успевает растранижировать. И где же благодарность? Как это понимать?!

– Она вас не любит. Чего же тут непонятного?

– Что?.. – Сергей Николаевич растерялся.

– Да, из-за недостатка денег погибло великое множество браков. Но есть вещи, которые ни за какие деньги не купишь. Она вас не любит. Забудьте о ней. Выкиньте ее из сердца и из головы. – Александр говорил тихо, но убедительно. С лица его не сходила доброжелательная улыбка. – Женщина – это эмоция. А где эмоция, там непостоянство. Ну, а непостоянство – верный путь, ведущий к измене. Разве не так?

– Так, – согласился Барский, – но я-то ее люблю! Как же я могу ее бросить?

– Любите вы ее или не любите, это не имеет никакого значения.

– Не понимаю.

– А что тут понимать? Бросайте ее, и дело с концом. А то люблю – не люблю... Найдете себе другую. Самопожертвенную!

– Вы это на полном серьезе?

– Конечно, на полном. – Александр с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться. – Проблема не в ней, проблема в вас. Ведь любите-то ее вы, а она вас нет.

Барский ничего не ответил. Может быть, он просто не знал, что сказать, а может быть, понял, что над ним шутят. Как бы там ни было, он молча допил коньяк, поставил пустую бутылку на стол и, достав из пачки очередную сигарету, закурил. Александру стало немного неловко. Все-таки у человека беда, а я тут лезу со своими дурацкими шуточками...

– Вы, кажется, говорили, что занимаетесь коммерцией? – поинтересовался он, пытаясь сменить тему.

– Да, занимаюсь. И третья часть этого гребаного города существует только благодаря мне и моим активам.

«Это его ответная шутка, – решил Александр. И тут же усомнился: – А может, и нет...»

– В таком случае у меня к вам есть выгодное деловое предложение. – Он подался вперед.

Момент проверить его догадку настал.

Анна сидела в кресле, листая журнал. Длинноногие красотки в шикарных платьях, парфюмерная и косметическая реклама, экзотические кулинарные рецепты... Всё это ей было хорошо знакомо и уже не вызывало прежнего интереса. Механически перелистывая глянцевые страницы, она думала совсем о другом. Кто этот молодой человек с такой странной фамилией, так мило смутившийся, увидев ее? Она была абсолютно уверена, что никогда раньше не встречалась с ним, и в то же время что-то в его облике ей казалось знакомым.

– А он не сказал, чем занимается, зачем приехал? – поинтересовалась она, откладывая журнал в сторону.

– Нет, не сказал. Я проводила его в комнату и вышла, а пока прощалась с Ирккой, прибежала ты. – Светлана сидела на диване, подбрав под себя ноги. Вид у нее был слегка растерянный. – И вообще, когда он здесь появился, на нем были какие-то пыльные лохмотья. Я даже не сразу впустила его в дом, – устало сообщила она. – Это уже потом он так вырядился. Наверное, путешествует автостопом или что-нибудь еще в этом роде. Откуда я знаю?

– А он симпатичный.

– Когда он здесь появился, я бы так не сказала. – Она засмеялась, словно вспомнив что-то веселое. – Этот твой симпатяга чуть не сшиб мне колонну.

– Да кто только не налетал на твою дубовую колонну! Мне вообще непонятно, зачем она там стоит.

Светлана тихонько хихикнула.

– А он ничего, – снова повторила Анна. – Очень симпатичный.

– Да уж не втюрилась ли ты в него?! – Светлана изобразила на лице удивление. – Что-то на тебя не похоже.

Анна равнодушно пожала плечами:

– Я только сказала, что он мне нравится, вот и все. – Она ненадолго задумалась. – У меня такое странное ощущение...

– Какое ощущение?

– Будто я его уже где-то видела.

– Как видела? Ты же сказала, что вы незнакомы!

– Конечно, незнакомы.

– Ну и где же ты могла его видеть? Ничего не понимаю!..

– Не знаю... – Анна таинственно улыбнулась, – может, во сне?..

Несколько минут обе сидели молча. Вечерело. В комнате начали сгущаться сумерки. Светлана с интересом разглядывала подругу, а Анна снова принялась листать журнал, хотя в потемках разобрать уже ничего было нельзя.

«Во сне?.. – удивлялась она сама себе. – Могла ли я **на самом деле** видеть его во сне?» Она вспомнила, как где-то читала, что присниться человеку не может ничего такого, чего бы он раньше не видел наяву. Странно, но сейчас это утверждение казалось наивным и глупым. Она хорошо пом-

нила свои сны. Сны были неотъемлемой частью ее жизни, и часто ей снилось такое, чего ни в какой реальности никогда не увидишь.

– Слушай! – В голову ей пришла замечательная мысль. – А что, если завтра устроить у тебя вечеринку?

– Вечеринку? – Светлана удивленно вскинула брови. – Какую вечеринку?

– Самую обыкновенную вечеринку. Пригласим, как обычно, всю тусовку, а заодно заманим сюда и **его**. – Анна в восторге захлопала в ладоши. – Не сможет же он отказать тебе, если ты его пригласишь. Ты ведь его квартирная хозяйка!

– Господи, ну и что с того? – усмехнулась Светлана. – Отказался же он сегодня от чая, значит, сможет отказаться и от твоей вечеринки. И вообще, к чему все это? Опять ты затеваешь какую-то аферу...

– Никакой аферы! – с жаром возразила Анна. – Просто я хочу познакомиться с ним и выяснить у него, кто он такой.

– Хорошо, – кивнула Светлана после продолжительной паузы. – А что, если он все-таки откажется?

Анна задумалась. Как это часто бывало, случайно возникнув, идея захватила и увлекла ее с такой силой, что отказаться от нее она была просто не в состоянии. «Надо заманить его на вечеринку во что бы то ни стало! – упрямо повторяла она про себя. – Я должна, я просто обязана познакомиться с ним. А лучшего способа, чем этот, не существует».

– Придумала! – Она вскочила и взволнованно забегала по

комнате. – Ты скажешь, что устраиваешь вечеринку специально для него. Пускай только попробует отказаться!..

– Ну уж нет. Ты что, хочешь выставить меня перед ним полной дурой?

– А что здесь такого?

– Да нет, совсем ничего! Неизвестный мужчина снимает у тебя комнату, не проходит и дня, а ты уже устраиваешь **в его честь** вечеринку. Здорово!

– Ну и что? – Анна рассмеялась. – Ведь не в постель же ты его затаскиваешь. Он твой гость, а по законам гостеприимства...

– Ни за что!! Я могу собрать у себя тусовку, но приглашать этого мужика никуда не стану. Хочешь, приглашай сама. В конце концов, это твои заскоки...

На мгновение Анна ощутила, как все ее существо охватила досада. Досада, грозящая перерасти в смертельную обиду. «И это моя лучшая подруга, – подумала Анна с горечью, – и это она говорила когда-то со слезами на глазах, что готова ради меня на все!»

Еще немного, и она бы разрыдалась или закатила истерику. К счастью, все обошлось. Эмоции, охватившие ее, пошли на спад, обида и ненависть отступили. «В конце концов, это же действительно моя затея, – вздохнула она. – Почему Светка должна под меня подстраиваться, потакая всем моим прихотям?..»

– Ладно, – сказала Светлана, каким-то внутренним чутьем

уловившая, что происходит с ее подружкой, – я попробую его пригласить. – И тут же добавила: – Но если он вдруг откажется, уговаривать его я не стану!

– Светка!! – завизжав от восторга, Анна повисла у нее на шее. – Ну конечно! Только пригласи, и всё. Какая ты прелесть!

– Для верности на него можно будет напустить Барика или Дрыгу, – все более смягчаясь, предложила Светлана. – Эти-то, если на кого насядут, так с живого не слезут, пока своего не добьются.

– Точно! Я прямо сейчас им и позвоню.

Анна подбежала к телефонному столику.

– Ну, тогда позвони и Хлюпову, – попросила Светлана. – Хотя вряд ли он согласится...

По ее лицу скользнула тень грусти.

– Конечно, позвоню. Пусть только попробует отказаться!

Анна сжала кулак и многозначительно потрясла им в воздухе. Светлана вяло улыбнулась в ответ.

..... стал быстро взбираться по склону горы наверх. Александр был возбужден до предела. Любопытство и нетерпение охватили его с такой силой, что он карабкался, не обращая внимания ни на колючий кустарник, которым порос весь склон, ни на острые черные камни, летевшие у него из-под ног, ни даже на то, что в любую минуту рискует сорваться и свернуть себе шею. Он ненадолго остановился передох-

нуть возле громадной каменной глыбы (очень напоминающей поставленный на вершину тетраэдр), а затем продолжил восхождение.

Он прекрасно отдавал себе отчет, что увиденное может оказаться совсем не тем, что он ожидал. Более того, Александр понимал, что оно может совсем **ничего не значить**, однако...

На вершине горы пылал костер. Возле костра, закутавшись в лоскутное ватное одеяло, сидел человек – парень лет двадцати, белобрысый и тощий. Заметив Александра, он улыбнулся и помахал ему рукой:

– You are just in time. – Голос его был неестественно писклявым, словно на пластинке, запущенной с удвоенной скоростью. – You couldn't find it, couldn't you?

– Я думаю, что нашел даже больше, чем ты предполагаешь, – ответил Александр, подходя к костру и усаживаясь на бревнышко рядом с молодым человеком. – Вопрос в том, знаешь ли ты, о чем идет речь?

– Меня зовут Макс (...*my name is Max...*). – Молодой человек улыбнулся, протягивая Александру руку. – В ту ночь луны не было... (...*there was no moon that night...*).

– Я знаю. – Александр кивнул, не обращая на протянутую ему руку никакого внимания. – Меня интересует другое.

– Что именно? (...*what is you looking for?..*)

– Это то самое место?

– Да... (...*this is the house where we stayed...*)

– Что находится внизу? Кто там, в пещере?

– Мужчина и Женщина.

– Кто они?

Макс улыбнулся.

– Я думаю (...*they are neighbours of yours*...). – Голос его стал выравниваться, все более приближаясь к нормальному человеческому голосу. – Они прикованы к скале, и лица их безучастны.

– Откуда ты можешь знать это?

– Я сижу на этой вершине довольно давно. Очень давно!

Александр задумался. Что-то у него получилось, но что-то... То или не то?..

Между тем Макс встал, подбросил в огонь сухих веток и начал обходить костер, двигаясь против часовой стрелки. На седьмом обороте он остановился и, глядя Александру в глаза, сказал:

– Я живу в городе, который называется Саис. Для здешних мест странноватое название, не правда ли?

Александр поморщился.

– Я тоже так думал, – признался он.

Разрезая яркой вспышкой темноту ночи, по небу пронесся метеор.

– Знаешь, зачем ты здесь? – спросил Макс, усаживаясь на прежнее место.

– Да, – кивнул Александр.

– Ты знаешь, зачем ты живешь?

– Да.

– А ты уверен, что ты действительно что-то **знаешь**?

– Да, я действительно **знаю!**..

– Все начинается с вопросов. Вопросы порождаются сомнением, а из сомнения вырастает знание.

– Мужчина и Женщина когда-нибудь выйдут из пещеры? – спросил Александр.

– Разве это имеет значение? – удивился Макс.

– Конечно!

– Ты не понял, – сказал он мягко, – разве имеет значение то, что я тебе скажу?

– А ты скажи мне то, что **действительно** имеет значение.

– Охотно. – Макс улыбнулся. – Для человека любое знание относительно. Ценность же той или иной концепции для каждого отдельного индивида заключается в том, насколько положительно данная концепция **работает** именно **для него!**..

– Нам недоступна Абсолютная Истина?

– Если бы она была вам доступна, передо мной сидел бы не Человек, а Бог. – Макс рассмеялся. – А если выразиться еще точнее, передо мной не сидел бы вообще никто!

– Ну хорошо, а как же Объективная истина?

– Вы называете объективным коллективное субъективное, а это все равно что пытаться натянуть презерватив не на член, а на голову.

«Так, кажется, дошли до пошлостей, – смекнул Алек-

сандр. – Наверное, я здесь засиделся. Пора уходить. Жаль. Я столько надежд возлагал на этого мерзавца!.. Вонючая болотная вода в дорогом флаконе... Да, действительно жаль. Что ж, остались еще шестеро, может, кто-то из них?»

Он поднял голову и посмотрел на звездное небо.

– Скажи мне еще одно, Макс, – попросил он. – Во мне что, начинают пробуждаться... Ну... Я становлюсь **другим**?

– Дверь в темную комнату открыта всегда. Нет лишь того, кто подскажет, где эта дверь. Однако случается, что, оказавшись в нужное время в нужном месте, ты проскальзываешь в неизведанное без подсказки...

Александр досадливо отмахнулся.

– Макс, Макс, – пробормотал он. – Ты ведь наполовину состоишь из воздуха.

Макс усмехнулся, протянул Александру руку, на которой лежали два маленьких кубика – красный и синий.

– Хочешь? (...*do you want this or that?*..) – спросил он.

Голос его снова задрезжал.

– К чему мне это?

– Выбирай, – настаивал Макс. – Я купил их на прошлой неделе... (...*I bought it last week...*)

– Я обязательно должен сделать выбор? – усмехнулся Александр.

Макс кивнул.

– Тогда я возьму оба!

Александр бесцеремонно сгреб кубики и положил их себе

в карман.

– Let's go downstairs now, – предложил Макс.

– Нет! Ты оставайся здесь. Я пойду один...

Макс нехотя опустил на место.

Пора! Александр развернулся и бросился вниз по склону. Темнота и колючий кустарник его уже не пугали. Он твердо был уверен, что с ним сделав еще один глоток, поставил бокал на стол. Хрусталь, наполненный шампанским, сверкал и искрился в неровном свете свечей, словно дорогой бриллиант. Барский упорно продолжал молчать. Погруженный в свои мысли, он словно забыл о существовании гостя.

Александр сочувственно улыбнулся. Ему было понятно, что сейчас происходит в душе этого человека. Обида и скорбь, боль и жалость, ненависть и желание чего-то светлого, доброго, правильного... Так явственно проступала на его лице борьба эмоций и разума, что Александру стало немного неловко. Как можно лезть к человеку с какими-то меркантильными делишками, когда с ним творится такое?..

Однако ничего другого ему не оставалось. Да и не выглядел Барский слишком уж ранимым или чувствительным. Ну переживает, ну мучается... Что с того? Он же бизнесмен. А в бизнесмене «Хозяин» и «Шут» сочетаются как нельзя лучше. В конце концов, какое мне до всего этого дело!

– Хорошая музыка, – сказал он задумчиво. – Немного странная, но хорошая.

– Да, хорошая, – согласился Барский.

Он как-то рассеянно скользнул взглядом по Александру и, уставившись на пламя свечей, снова погрузился в странство своих переживаний.

– Что это?

– «Portishead». Я видел их живьем, когда ездил во Францию.

– Ну и как?

– Вы же слышите. – Барский налил себе еще коньяка и залпом выпил всю рюмку.

Александр вздохнул.

– Знаете, есть один замечательный метод, – сказал он. – От разбитого сердца вам не найти ничего лучше, можете мне поверить.

Барский посмотрел на него равнодушным тоскливым взглядом.

– Во-первых, нужно выкинуть из головы все, что касается вашей семейной ссоры. Забудьте на время о жене, забудьте о том, что произошло, и с головой окунитесь в работу. Ничто так не помогает, как повседневная суэта. А пройдет неделька-другая, ваши эмоции стабилизируются, и тогда все решится само собой. Можете мне поверить, я сам когда-то прошел через это...

– Выкинуть из головы?! – взревел Барский. – Да если бы мог это, черт меня побери! В том-то вся и беда, что переживания сильнее любых рациональных доводов. Сильнее, и всё! И как от них отделаться, как забыть о том, что случи-

лось?..

Он замолчал на полуслове, с какой-то затаенной надеждой глядя Александру в глаза.

– Об этом я и хочу рассказать. Ответьте мне, в состоянии ли вы зафиксировать любую нежелательную мысль в самый момент ее возникновения?

– Ну... наверное.

Барский насупился.

– Отлично! А теперь представьте, что это воспоминание, эта мысль – лишь веточка, которая вырастает из толстого ствола дерева. – Александр сделал небольшую паузу, ожидая, пока до его собеседника дойдет смысл сказанного, а затем продолжил: – Итак, вы – это ствол дерева, а мысли и чувства – это ветви, которые растут из него. Они вырастают стремительно, но как только вы замечаете их, то просто берете и отсекаете взмахом воображаемой сабли. Р-раз!.. – Он резанул ладонью воздух. – И ветка отпала. Р-раз!.. Исчезло воспоминание, пропала ненужная мысль. Вы снова полны сил, а все ваше внимание концентрируется на задачах дня. Это же так просто.

Барский скептически хмыкнул.

– В первую неделю вы будете рубить ветки, как дровосек на лесоповале. Однако чем дальше, тем реже и реже вам придется прибегать к помощи вашей сабли. Ветви станут замедлять рост, начнут отваливаться сами, едва вы их заметите. И наконец все эти бессмысленные переживания совершен-

но оставят вас. Вы снова обретете покой. Честное слово! – Александр рассмеялся, дружески похлопал Сергея Николаевича по плечу. – Звучит все это глуповато, я знаю. Но на уровне бессознательного данный способ работает безотказно.

– Вы это на полном серьезе? – Барский неуверенно улыбнулся.

– Конечно! – Для большей убедительности Александр вытаращил глаза. – Но самое главное, параллельно с этим нужно вернуться к своим повседневным делам. Нужно с головой уйти в работу, тогда никакие посторонние мысли вам уже не будут страшны. Кстати, – он взял со стола свой бокал, – именно по поводу работы я к вам и пришел. Вы помните наш разговор в парке?

– Конечно! – Барский несколько оживился. – Только, честно говоря, я не совсем понимаю, какие смогу извлечь для себя выгоды, если соглашусь на ваше предложение.

– Как какие?! – Александр вскочил. – А сенсационность такого открытия и все вытекающие отсюда последствия?

– Но ведь пока-то никакого открытия нет, – спокойно возразил Сергей Николаевич. – И вообще... Знаете, все это напоминает историю с Новыми Васюками. Туристы, ученые со всего мира...

– Пока нет открытия, **пока!** А если вы мне не поможете, то, очевидно, вообще никогда не будет!

Барский задумался.

– Как-то расплывчато все это, – сказал он через некоторое время, – как-то неопределенно и... подозрительно просто.

Александр почувствовал, как в нем закипают злоба и раздражение. Усилием воли подавив в себе эти чувства, он спокойным ровным голосом произнес:

– Что ж, суть дела я вам изложил еще при первой нашей встрече. Решайте сами, как поступить. Напомню только, что единственное, чего я от вас добиваюсь, это вашего согласия платить за аренду помещения, что при вашем-то размахе сущий пустяк. Терять, в любом случае, вы практически ничего не теряете, а вот обрести, если дело выгорит, можете **действительно** много. Думайте...

Он направился к двери.

– Погодите. – Барский закурил сигарету. Было видно, что он слегка нервничает. – Я не могу вам дать никаких гарантий в том, что касается всего остального, но что до аренды помещения... Думаю, здесь я смогу вам помочь. – Он улыбнулся, но улыбка вышла какой-то кислой и неестественной. – Можете считать меня своим спонсором. Просто спонсором. – Барский засмеялся. – В таком случае я действительно ничего не теряю...

Коротко поблагодарив его, Александр попрощался и вышел. То, на что в глубине души он не смел и надеяться, свершилось. Свершилось! А значит, теперь все будет зависеть уже от него. Только от него!..

Улицы были темны и пустынно. Фонари по какой-то непо-

нятной причине отключили, и если бы не луна, висевшая высоко над горизонтом, идти было бы весьма затруднительно. Александр шел не спеша. **До утра** времени оставалось предостаточно. Свою основную задачу он выполнил. Теперь можно было немного расслабиться. Ночь создана для отдыха.

На углу Сенной и Авангардной он остановился, чтобы закурить, а когда убрал зажигалку и обернулся, то снова увидел **этого** человека. Мужчина, долговязый и тощий, одетый в странный коричневый комбинезон, стоял на противоположной стороне улицы, пристально наблюдая за ним. «Опять он!..» – устало подумал Александр.

– Эй! – Он помахал человеку рукой. – Вы что-то хотите сказать?

Мужчина безмолвствовал.

– У вас ко мне дело? Нет? Ну, тогда катитесь к чертовой матери!

Мужчина медленно развернулся и скрылся в ближайшей подворотне.

Александр выругался, выплюнул сигарету и быстрым шагом направился вверх по улице. Однако не прошел он и сотни метров, как почувствовал, что незнакомец снова преследует его. Резко оглянувшись, он успел заметить метнувшуюся к кустам тень. Его охватила тревога: «Да что же это такое? Что ему от меня надо?!.» Кусты зашуршали, странный человек вышел на середину дороги.

– Эй, – крикнул он, махая Александру рукой, очевидно передразнивая его давешний жест, – у вас ничего не получится. Мне все известно. Можете даже не пытаться.

– Кто вы такой? – Раздражение Александра сменилось удивлением. – О чем вы говорите? Я не понимаю.

– Я говорю, что у вас ничего не получится, – повторил незнакомец, не двигаясь с места. – Чего бы вы там ни замыслили, я этого не допущу!

«Так, кажется, сумасшедший, – промелькнуло у Александра в сознании, – ладно, если тихий, а вдруг маньяк?..»

В этот момент, словно бы подтверждая его догадку, мужчина направился к нему, на ходу доставая из-за пазухи комбинезона что-то очень похожее на.....ввалился внутрь, захлопнул за собой дверь и в изнеможении опустился на пол. Фу, кажется, оторвался. Ну и вымотал он меня, зар-раза...

Немного отдышавшись, Александр встал и огляделся. Помещение, куда он попал, оказалось тренировочным залом. Мягкие стены, мягкий пол. По всей видимости, здесь занимались каратэ или айкидо. На эту мысль наводила эмблема «Инь – Ян», изображенная сразу в нескольких местах: на стенах, на полу и даже на потолке. Ровный мягкий свет лился откуда-то сбоку. Сделав несколько шагов, Александр в растерянности остановился.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – позвал он.

Ему никто не ответил.

– Алло! Кто-нибудь... – повторил он, повышая голос.

Снова молчание.

– Странно...

Выйдя в центр зала, он уселся на пол, скрестив ноги. Что ему теперь делать, Александр не знал. Выходить обратно на улицу как-то не хотелось. А вдруг тот ненормальный рыскает где-то поблизости? Правда, он отделался от него в нескольких кварталах отсюда, но... Кто его знает? Поступки идиота непредсказуемы.

Спустя несколько минут за перегородкой, отделявшей спортзал от тренерской комнаты (*...все-то здесь сделано на какой-то китайский манер!..*), послышался шорох и в дверях возникла девушка. Высокая блондинка лет двадцати пяти, одетая в легкое белое платье. Заметив Александра, она нисколько не удивилась его появлению и, приветливо улыбнувшись, спросила:

– Давно вы здесь?

Голос у нее оказался очень приятным.

– Не знаю. – Александр попытался встать, но она сделала отрицательный жест и тот остался на месте.

– Тогда ничего страшного. – Девушка подошла ближе и опустилась на пол напротив него. – Что же вас сюда привело?

– Что привело?.. – Александр смутился. – Да как вам сказать?.. Я брел по улице и вдруг заметил, что меня преследует какой-то ненормальный. Вернее...

Он сбился и замолчал.

– Высокий и тощий, в коричневом костюме? – поинтере-

совалась девушка.

– Да-да! Вы его знаете? Кто он такой?..

– Успокойтесь. Это никакой не сумасшедший. Ну... разве что самую малость.

Девушка засмеялась.

– Ага, не сумасшедший. Какого тогда черта он погнался за мной с бензорезом?

– Никакого бензореза у него нет и никогда не было. Вы сами себя перепугали, вот и всё.

– Сам себя?.. – Александр недоверчиво поморщился. – Ну хорошо, а кто он?

– Этот человек – инженер. Зовут его Петр Петрович Фат. Разве вам это о чем-нибудь говорит?

– Нет, конечно... – Александр потер лоб ладонью. – Просто... – Он рассмеялся. – Да, пожалуй, вы правы.

Девушка тоже улыбнулась, и Александр отметил, что улыбка у нее такая же загадочная, как весь ее облик.

– Вы были у Барского? – поинтересовалась она.

– Да, а вы и его знаете?.. – Александр растерялся. – Как вы догадались?

– Ну, я же женщина. – Она прищурилась, посмотрев на него с легкой иронией. – А женщина видит всё.

– Хм... Пожалуй.

Александр чувствовал себя не в своей тарелке. Сомнение, удивление и смущение раздирали его на части. Очевидно, заметив это, девушка мягко взяла его за руку и, глядя ему

в глаза, сказала:

– Расслабьтесь. Не надо нервничать. Здесь с вами не может случиться ничего плохого... Расслабьтесь...

Александр почувствовал, как по его телу разливается тепло. Волнение и тревога начали медленно уходить. Очень скоро он полностью успокоился.

Девушка убрала руку и все тем же обворожительным голосом спросила:

– Вам понравился наш город? Вы ощутили Силу здешних мест? По-моему, она беспредельна.

– Да, – согласился Александр, – в этих местах присутствует Сила. Но здесь есть и нечто большее. Нечто, выходящее за рамки обычного человеческого восприятия.

Девушка кивнула:

– Это действительно так. Но, к сожалению, немногие могут почувствовать то, что чувствуем **мы**.

– **Мы**?

– Да, **мы**. Нас немного, но даже те, кто чувствуют это, не знают, что это такое и как этим можно пользоваться. Сила движет нами, а не **мы** управляем Силой. – Девушка сделала небольшую паузу. – Надеюсь, что с вашим приходом всё изменится. Здесь вы сможете наконец обрести Себя, а обрета, поможете собраться вместе всем нам.

Александр ничего не ответил.

– Ты – Мужчина, – снова заговорила девушка, – и это дает тебе право стать нашим лидером. Но ты мужчина, и поэтому

тебе нужна Женщина...

Она встала на четвереньки и медленно приблизилась к нему. Гибкая и грациозная, словно дикая кошка. Глаза ее блестели хищным огнем.

– Без Женщины ты не сможешь повести нас за собой...

Александр ощутил веяние обжигающего холода. Он вскочил на ноги и...

В эту минуту комната начала менять свою конфигурацию. Стены вытянулись, послышалось слабое шипение. «Слава богу, – успел подумать он, – еще немного, и было бы поздно...»

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе – бег оленя,

В каждом взоре – лет копыя.

Велимир Хлебников

Ида резко поднялась и села в кровати, но не сразу сообразила, что же ее разбудило. Остатки сна все еще стояли перед глазами. Маленькая комната, обитая матами, насмерть перепуганный мужчина... Образы наплывали один на другой, тускнели и смазывались. Сновидение ускользало, растворяясь, подобно утреннему туману, и спустя несколько секунд в памяти от него не осталось почти ничего. Кроме разве что какого-то неопределенного тревожного чувства. В дверь позвонили, и она догадалась, что, должно быть, именно звонок и разбудил ее. Сунув ноги в мягкие тапочки, Ида накинула халат, попыталась придать своему лицу подобающее выражение и пошла открывать.

– Доброе утро!

На пороге стоял мужчина в синем комбинезоне и голубой форменной кепочке. В руках у него был квадратный пластиковый контейнер.

– Крепко спите, – дружелюбно заметил он, окидывая ее оценивающим взглядом. – А я уж решил, что никого нет дома. Звоню, звоню... Заказ-то куда поставить?

– Заказ?.. – Ида широко раскрыла глаза.

– Ну да. Только соображайте скорее, а то у меня уже руки отваливаются.

– Проходите. – Она посторонилась, и мужчина, пыхтя, ввалился в дом. – Оставьте здесь, в коридоре.

– Прямо здесь?

– Да-да. Можете поставить ящик на пол.

«Заказ... Какой еще заказ? – вспоминала она. – Неужели это из мастерской Джона? Камни! Но ведь я же сделала заявку только на прошлой неделе...»

– Вот, распишитесь здесь.

Мужчина протянул ей карточку, и Ида не глядя поставила в ней свою подпись.

– Сколько с меня?

– С вас? – Мужчина хмыкнул, еще раз смерил ее взглядом с ног до головы. – Нисколько. Доставка за счет фирмы. Всего хорошего.

Закрыв за ним дверь, Ида подошла к ящику и осторожно сняла с него крышку. Завернутые в черную бархатную материю, в контейнере лежали камни. Удивительно, но посылка оказалась действительно от Джона! Кристаллов было ровно двенадцать. Все уже обработанные, отшлифованные именно так, как она хотела.

Ида долго перебирала камни, тщательно осматривая каждый и укладывая их в специально приготовленную для этого кедровую шкатулку. Всё должно быть выполнено строго по правилам. Затем она позвонила Джону, чтобы поблагодарить его. Выполнить заказ за такое короткое время, да еще так великолепно!.. Нет, нет, она сегодня же все оплатит, плюс двадцать процентов за скорость и качество...

О том, что она еще не умывалась, Ида вспомнила, только когда повесила трубку и взглянула на себя в зеркало. Усмехнувшись, она отправилась в ванную, на ходу развязывая пояс халата. День начинался странно, а это вернейший признак, что дальше может произойти нечто действительно важное.

За завтраком она бегло просмотрела корреспонденцию, пришедшую к этому часу на ее имя, но ничего интересного для себя не обнаружила. Приглашение в Клуб, несколько поздравлений с ее недавней презентацией и два или три любовных послания. Словом, все как обычно. Ида допила кофе, поставила пустую чашку в мойку, подошла к окну и некоторое время молча смотрела на улицу.

Окно ее кухни выходило на южную сторону. Оттуда открывался прекрасный вид на вершину горы, возвышавшуюся над крышами соседских коттеджей. Гора находилась очень далеко. Ида никогда не была в ее окрестностях и знала только, что она называется Мориа, но ей очень нравилось смотреть на далекую вершину. Было в этом образе что-то мистическое, загадочное, манящее...

Из радиоприемника доносились приглушенные звуки музыки. Передавали «Тангейзер» Вагнера. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, Ида закрыла глаза. Вчера звонила Светлана и пригласила ее на вечеринку. Ида не ответила ничего определенного, но в глубине души понимала, что, скорее всего, пойдет туда. Хотя идти ей совсем не хотелось. С Владимиром наверняка притащится его рыжая. И чего он в ней только нашел? Вздорная **баба!**..

Ида поморщилась. Два года они были вместе, два года они любили друг друга, а потом появилась **она**. Тщеславная и расчетливая. Появилась и сразу положила на него глаз. А через неделю он вдруг забрал свои вещи, гитару и переехал к ней. Вот так! И хотя потом, когда боль и обида отступили, Ида поняла, что отчасти была сама виновата, что произошло, легче от этого не становилось. Не могла же она, в самом деле, все свое время тратить только на него!.. А вот теперь эта вечеринка. «Он будет с **ней**, а что останется делать мне? Что вообще может быть общего у меня с этой компанией? Кто я и кто они?! Если бы не Дрыга, разве опустилась бы я до их уровня?..»

Дрыга... Ну вот, он уже стал для меня Дрыгой. Как и для всех. Так стоит ли туда идти?.. Неужели я на самом деле когда-то любила его? Неужели я все еще продолжаю его любить?..»

– Хватит!

Ида хлопнула ладонью по подоконнику и отошла от окна.

Взглянула на часы. Полдень. Надо бы позвонить в банк, а потом срочно ехать на выставку. Или нет... сегодня воскресенье, в банк звонить нет смысла. Значит, сразу на выставку. Церемония открытия начнется в два, поэтому по пути можно заехать на станцию техобслуживания. Кажется, в моторе начинает что-то постукивать...

Взяв с зеркала ключи, Ида выпорхнула во двор. Сумочка с деньгами и документами лежала в бардачке машины.

– И все-таки вы не ответили на мой вопрос, – настаивал Дрыга. – Я понимаю, что в нашем городе вы оказались случайно, но ведь не случайность же то, что вы отправились в путешествие, которое по воле случая привело вас сюда!

Александр усмехнулся. Барик поморщился и тоскливо зевнул.

– Мой друг спрашивает, что вас так заинтересовало в нашем городе? – пояснил он. – По-моему, Саис – самый заурядный городишко, какой только можно найти. Дремучая провинция. Или вам так не кажется?

– Нет, мне так не кажется. – Александр встал, прошелся по комнате. – Я здесь второй день, но даже сейчас могу сказать, что город ваш уникален.

– И что же уникального вы здесь нашли?

Дрыга заерзал на стуле.

– Начнем с того, что Саис не нанесен на мою карту. – Александр остановился, многозначительно посмотрев

на своих новых знакомых. – У меня очень подробная карта, я хожу с ней в путешествия уже не один год, и ни разу, ни в одной мелочи она не подводила меня. А вашего города на ней нет! Как это понимать? Он что, «закрытый»? Или засекреченный?

– Ну, может быть... – попытался возразить Барик.

– Ничего подобного! – перебил его Александр. – Вы думаете, я не проверял? Саис не нанесен **ни на одну** карту из тех, что я сегодня сумел достать. А перебрал я их не меньше десятка.

– Хм... действительно странно. – Барик задумчиво почесал подбородок. – А может, вы все-таки что-то напутали? На вашу карту можно взглянуть?

– Пожалуйста.

Как он и говорил, на карту город нанесен не был. В том месте, где он предположительно мог находиться, стоял значок, обозначающий то ли мельницу, то ли часовню. От удивления Дрыга даже присвистнул.

– Ну и ну, – Барик покачал головой, – прямо мистика какая-то...

– Похеристика, а не мистика! – цинично проскрипел Дрыга.

Он держал в руках новый автомобильный атлас, который Александр купил сегодня утром в книжном ларьке и с отвратительной улыбкой тыкал в него пальцем.

– Дай сюда. – Несколько секунд Барик изучал атлас, за-

тем перевел недоуменный взгляд на Александра: – Что-то совсем вы нам головы задурили. Это же и ежу понятно, что не может город с населением в семьдесят пять тысяч быть не нанесенным на карту.

– Что?.. – Александр растерялся.

Вместо ответа Барик протянул ему атлас.

Заглянув в него, Александр нахмурился. Никакого Саиса там не было. Была Смирновка, был Глахов, была даже мельница между ними, а вот Саиса не было, хоть ты тресни!..

– По-моему вы перетрудились, – ехидно высказался Дрыга, – мерещится вам бог весть что.

– Наверное. – Александр захлопнул атлас и вместе со своей картой засунул его в рюкзак. – Наверное, вы правы.

– Полиграфический брак, – произнес Барик. – На вашей карте допущена ошибка.

– Да-да... Очевидно. – Александр изо всех сил старался не выдать волнения, которое его охватило. – Полиграфический брак...

«Черт побери! – промелькнуло у него в голове. – Похоже, моя догадка получила еще одно подтверждение...»

– Кстати, – с энтузиазмом воскликнул Дрыга, – давно хотел вас спросить. Вот вы путешествуете. Если верить вашим словам, то в пути вы находитесь уже несколько месяцев, так?

– Так. – Александр кивнул.

– И все ваше имущество состоит из этого рюкзака. Я не ошибся?

– В этом рюкзаке находится все, что мне нужно.

– Вчера, когда я вывалился на вас из окошка, вы были одеты в пыльную джинсовку. Сегодня на вас дорогой костюм, по всей видимости, импортный. Зайдя сюда, мы даже не сразу вас узнали. Кроме того, я часто бываю у Светки и отлично знаю каждый уголок ее дома. Еще позавчера вот этой картины, – он указал рукой на стену, – здесь не было.

– Да, – согласился Александр, – эту картину я купил сегодня утром. Она мне очень понравилась, я просто не смог удержаться.

На картине был изображен ангел, которого люди в монашеских рясах возвели на готовящийся костер и приковывали к столбу.

– Конечно-конечно! Я даже знаю, где вы ее купили, и догадываюсь, сколько она стоит. Дело не в этом, – Дрыга расходился все больше и больше, – меня интересует другое. Какого черта вы шляетесь по дорогам, как бродяга, если запросто можете позволить себе купить картину, которая стоит что-то около тысячи баксов?

– Тысячу двести, – уточнил Александр.

– Тысячу двести? – Дрыга вытаращил глаза. – Тем более! Как же все это понимать? Вы что, миллионер? А может, вас ловит милиция?

– Нет, – Александр рассмеялся, – никакой я не миллионер. Сейчас в моем бумажнике чуть меньше трехсот рублей. Примерно столько же в нем было вчера, когда я вошел в ваш

город. А на прошлой неделе мне вообще несколько дней подряд пришлось голодать. И уж конечно, никакая милиция меня не ловит. По крайней мере, я так думаю.

– Откуда же вы берете деньги?

– Откуда? – Александр хитро прищурился. – Да когда откуда. Сегодня, например, я выиграл полторы тысячи долларов в лотерею.

– Ага, выиграла и все сразу ухнула на эту вот... живопись! Дрыга сделал ударение на последнем слоге, тыкая пальцем в картину.

– Но я же вам говорю, она мне очень понравилась.

– А когда вы будете съезжать отсюда, вы заберете ее с собой? – подключился к разговору Барик.

– Разумеется, нет, куда мне ее, на спину, что ли?

– Понятно, – Барик удовлетворенно кивнул, – так я и думал.

– Скажите, – Дрыга подался вперед, понижая голос до шепота, – а может быть, вы... э-э... **чудак**?

– Вы пришли сюда, чтобы меня оскорблять? – Александр достал сигарету, закурил и многозначительно посмотрел на часы. – Я потратил на вас целых сорок минут, а цель вашего визита мне до сих пор неизвестна.

Барик смущенно кашлянул:

– Не воспринимайте его слова серьезно. – Он незаметно пихнул Дрыгу в бок. – Вообще-то мы зашли, чтобы узнать, удачно ли вы устроились. Ведь адрес-то, как-никак, дал вам

я, а значит, в какой-то мере я оказываюсь ответственным за...

– Спасибо, комната мне подходит.

Александр произнес это довольно резко. Через двадцать минут он должен был встретиться с Барским, а если этих двоих (...*тоже мне, Гильденстерн и Розенкранц...*) не выставить за дверь прямо сейчас, сами они не уйдут никогда.

– Что-то еще?

– И да и нет. – Барик изобразил на лице благожелательную улыбку. – Вы знаете, что ваша хозяйка устраивает сегодня вечеринку?

– Да, – Александр кивнул, – я в курсе.

– Будет куча народу, и, если честно, все это затевается только из-за вас.

– Вот как?

– Угу. По городу уже ползут слухи. Никто не знает, кто вы, чем занимаетесь и зачем сюда приехали, но всем это чертовски хочется знать. Ваша бурная деятельность начинает привлекать всеобщее внимание. Нет-нет, не подумайте ничего плохого о Светлане Викторовне! Она все делает из лучших побуждений, просто...

– Просто нам было интересно, – влез в разговор Дрыга, – пойдете вы на вечеринку или нет?

– Возможно. – Александр встал со стула, демонстративно принялся надевать пиджак, всем своим видом давая понять, что ему пора уходить. – По крайней мере, я попал в число

приглашенных.

– В число приглашенных? – Дрыга не удержался и фыркнул.

– Да. А что тут смешного?

– Нет- нет, все в порядке. Только это не творческий вечер и не торжественный прием, а обыкновенная вечеринка. Понимаете? Вечеринка.

– Я все отлично понимаю, – Александр снова посмотрел на часы, – а теперь, если не возражаете, я должен идти. У меня назначена очень важная встреча.

Оказавшись на улице, Барик воровато огляделся по сторонам и достал из кармана синюю записную книжку.

– Что это? – спросил Дрыга, потирая лоб (в коридоре он, по обыкновению, наскочил на колонну). – Откуда это у тебя?

– У него спер, пока он ломал комедию с этими картами. И чего из нас дураков делать?..

– Зачем она тебе?

– Пока не знаю. Посмотрю, потом верну обратно. Слишком уж занимательный тип.

– По-моему он затевает что-то серьезное, – перестав тереть шишку, Дрыга полез в карман за сигаретами. – С Барским уже успел снюхаться...

Он чиркнул спичкой.

– Возле клуба железнодорожников его видели...

– Вот поэтому я и спер блокнот, – раздраженно отреагировал Барик. – И перестань тереться у меня за спиной! Сам

посмотрю, потом тебе дам.

Презрительно хмыкнув, Дрыга отошел в сторону.

1.001. Я – Человек. Все, что я рассматриваю, я рассматриваю с человеческой точки зрения. Все, что окружает меня, имеет для меня ценность лишь в том смысле, поскольку и как оно относится ко мне.

*1.002. Я – Человек Разумный. Основное свойство разума – целенаправленность. Я осознаю себя. Я осознаю то, что находится вне меня. Для того чтобы действовать, я должен **понимать**, что я делаю и для чего я это делаю. Я должен знать, что Я такое; что такое то, что окружает меня; какое место Я занимаю в том, что меня окружает и как Я с ним сопоставим.*

1.003. Выходя за границы своего Я, я обнаруживаю множество других, подобных мне Я; я узнаю, что до того момента, как я появился на свет, существовало множество подобных мне Я и что они мучились теми же вопросами. Некоторые находили ответы.

1.004. Задаваясь первейшим и основным вопросом: «Что Я такое?», я обнаруживаю множество ответов на него. Ответов разных и противоречивых. Однако все эти ответы можно поделить на две группы: одни говорят, что Я бесконечен во времени, другие – что Я имел начало, а следовательно, буду иметь конец. Ни тот ни другой из этих ответов нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

1.005. Я знаю, что меня окружает вечность и если Я конечен, то мое бытие не имеет **для меня (!)** никакого смысла; если же Я бесконечен, то мое бытие смысл **для меня (!)** имеет огромный. Для того чтобы жить и действовать соответственно своей природе, я должен **знать**, конечен Я или бесконечен, то есть имеет ли смысл моя деятельность или нет.

1.006. Конечно мое Я или бесконечно, достоверно не знает никто. Одни **предполагают**, что оно конечно, другие – что оно сродни Вечности. Но никто **не знает (!)** которое из этих двух предположений истинно.

1.007. Однако, если истинно предположение о моей конечности, то оно тем самым говорит мне о том, что ни моя жизнь, ни то, что я делаю, не имеет **для меня** никакого смысла и не представляет никакой ценности. Если же истинно предположение о моей бесконечности, то оно тем самым говорит мне, что жизнь моя и то, что я в этой жизни сделаю, смысл **для меня** имеет.

1.008. Я не знаю, какое из этих двух предположений истинно, но для того, чтобы жить и действовать, я должен придерживаться либо той, либо другой точки зрения. Жить просто ради того, чтобы жить, я не могу, ибо такая жизнь бесцельна, я же – носитель разума, а, следовательно, основное мое свойство – целенаправленность. Жизнь без цели, без **понимания (!)** того, ради чего я живу, противоречит моей природе.

1.009. Мне жизненно необходимо **знать**, ради чего я жи-

ву; конечен Я или бесконечен, смертен, или нет.

1.010. Вот то, что я достоверно знаю: Я либо конечен, либо бесконечен. Но я не знаю, каков Я именно!

1.011. Мне известно, что в относительно недалеком будущем я смогу это узнать. Я смогу (?) это узнать, когда умру. Сейчас же, пока я этого не знаю, я все-таки должен жить и действовать. Для этого я могу принять за временную (относительную) истину одно из данных предположений.

1.012. Итак, если я приму предположение, согласно которому Я конечен, и оно **действительно** окажется верным, то, умерев, я исчезну, а значит, не узнаю настоящей истины. Кроме того, если Я конечен, моя жизнь не имеет смысла.

1.013. Если же я приму за истину данное предположение, а оно окажется ложным, то, умерев, Я **узнаю (!)** о том, что действовал и жил в заблуждении, а значит, бессмысленно, и очевидно, неверно.

1.014. Если я приму за истину предположение, согласно которому Я бесконечен, и оно окажется ложным, то, умерев, я исчезну, а значит, не узнаю, прав был или заблуждался, однако проживу жизнь, наполненную **для меня** смыслом, ибо смысл моей жизни имеет смысл **только для меня**.

1.015. Если же я приму за истину предположение, согласно которому Я бесконечен, и оно окажется истинным, то, умерев, Я **пойму это**, пойму как абсолютную истину и узнаю, что прожил жизнь верно, что то, что я делал, име-

до смысл.

*1.016. Следовательно, независимо от того, конечен Я или бесконечен с точки зрения объективной реальности, с **моей** субъективной точки зрения, жизнь моя и все мои действия имеют смысл лишь в том случае, если Я бесконечен во времени, а следовательно, жить и действовать согласно своей природе (разуму), я могу лишь в этом случае.*

1.017. Я бесконечен. Теперь я знаю, что Я такое. Но что же такое то, что меня окружает?..

Вечеринка началась в восемь. Александр взял бокал шампанского, отошел в дальний угол и, усевшись в свободное кресло, принялся наблюдать. В какой-то степени Дрыга оказался прав. Все происходящее действительно было именно вечеринкой. Стол с вином и закусками стоял где-то в стороне, сразу у входа, тогда как вся центральная часть холла оставалась совершенно свободной. Очевидно, на тот случай, если кому-нибудь из гостей придет в голову мысль потанцевать. А танцы в подобных ситуациях, как известно, явление стихийное.

Народу собралось человек тридцать, не больше. И с некоторыми из присутствующих Александр уже успел познакомиться. В кресле напротив него расположилась девушка, которую он застал здесь вчера, когда пришел снимать комнату. Возле нее стояла молодая женщина лет тридцати, одетая богато и со вкусом, но на лицо довольно невзрачная. Как он

узнал впоследствии, это была жена Барского. Обе негромко переговаривались и, судя по их мимике, разговор велся о чем-то не совсем приятном.

У дальней стены на диване развалились Барик и Дрыга, оба уже изрядно надравшиеся. Барик что-то брэнчал на гитаре, а Дрыга орал во всю глотку, пытаясь перекричать включенный на полную громкость магнитофон. На полу рядом с ним устроился Макс, тощий белобрысый паренек с интеллигентным лицом, который одновременно слушал Дрыгины вопли и притопывал ногой в такт «Flowers On The Wall...», лившейся из динамиков.

На стульчике возле окна с безучастным видом сидел парнишка – по всей видимости, студент. Александру он назвался Иваном Хлюповым. В руках у Ивана была книга (Пирс Пол Рид), которую он как-то уж больно механически перелистывал, словно не читал, а только делал вид, используя ее как щит от всевозможных поползновений со стороны других гостей. Впрочем, те не обращали на него никакого внимания. Единственной, кого интересовал Иван, была хозяйка дома, ежеминутно подходившая к нему под тем или иным предлогом.

Несколько выделялась на общем фоне высокая стройная блондинка, одиноко стоявшая у рояля. На ней было легкое, почти прозрачное белое платье, которое как нельзя лучше подчеркивало грациозность ее фигуры. За грустным, рассеянным взглядом отчетливо улавливались сила и независи-

мость. Александру ее не представили, но он заметил, что девушка то и дело бросает в его сторону какие-то странные, полные недоумения и растерянности взгляды. Некоторое время он пытался не обращать на нее внимания, но потом не выдержал и улыбнулся в ответ. Блондинка нахмурилась, отошла в сторону.

Александр рассматривал собравшихся и вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не испытывает к ним интереса. Все его внимание было направлено на другое. Вот уже минут пятнадцать он шарил взглядом в толпе и, к своему огромному разочарованию, не находил той, ради кого, собственно говоря, и согласился прийти на дурацкую вечеринку. Весь день воспоминания о ней не давали ему покоя. Весь день его преследовал один и тот же образ. И как ни старался он отогнать от себя этот вздор, мысли его бумерангом возвращались в исходную точку...

Анна появилась примерно в половине девятого. На ней были все те же черные джинсы, а белую блузку сменил серенький вязаный джемпер. На Александра она почти не обратила внимания, удостоив его лишь легким кивком головы и слабой улыбкой. Зато на нее, как ему показалось, внимание обращали все. Даже Барик с Дрыгой, и те стали вести себя как будто приличнее. Несколько минут она негромко переговаривалась со Светланой, затем куда-то исчезла, а когда появилась снова, то первым делом подошла к Хлюпову и о чем-то долго и обстоятельно с ним побеседовала. Во время

разговора лицо Хлюпова несколько раз меняло цвет. Оно то становилось пунцовым, то смертельно бледнело. Книгу свою он захлопнул и нервно тербил пальцами корешок.

Александр наблюдал за Анной с интересом и каким-то внутренним трепетом. Он полностью отдавал себе отчет в том, что с ним сейчас происходит, но подавлять в себе чувства не хотел. Глупо пытаться найти любовь, но еще глупее пытаться от нее убежать, когда она сама находит тебя. Так, по крайней мере, ему казалось.

Очень скоро вечеринка вступила в свою кульминационную фазу. Свет в комнате потушили, но откуда-то принесли несколько пылающих канделябров. Майкла Наймана заменили на «Prodigy». Общего веселья не разделяли только Барик и Дрыга, которые в знак протеста против подобной музыки демонстративно покинули комнату. Сначала Александр хотел уйти вместе с ними, но потом передумал и, поставив пустой бокал на журнальный столик, вышел на кухню. Он долго стоял у окна и курил, задумчиво глядя в ночное небо.

«Как странно все складывается. События развиваются по экспоненте. Я уже не в силах предугадать, что может случиться через несколько часов. Да плюс ко всему прочему еще и ЭТО. А собственно говоря, что ЭТО? Любовь или влюбленность? И почему ЭТО так похоже на то, что было со мной много лет назад?.. А я, оказывается, совсем не изменился. Наверное, люди вообще не меняются в течение одной

жизни. Им только так кажется. Слишком маленький срок, слишком трудная задача...»

Он обернулся, почувствовав на спине чей-то пристальный взгляд. На пороге стояла Анна.

– Извините, что нарушаю ваше уединение, но мне показалось... вы чем-то расстроены?

– Я?! – удивился Александр. – Нет, с чего вы взяли?

– Вы не любите танцевать? – Она вошла в кухню и присела на табуретку у противоположной стены. – А вы не похожи на застенчивого молчуна.

– Приятно слышать. – Он рассмеялся. – Но танцевать я действительно не люблю. Тем более под такую музыку.

– Светлана поставила ее для тусовки.

– Понимаю. – Александр кивнул. – А сами вы, значит, предпочитаете Наймана?

– Да нет, не особенно. Просто попался именно этот диск, вот и все.

Помолчали. Александр докурил сигарету и, не найдя пепельницы, выкинул окурочок в открытую форточку.

– Извините, что вчера я так поспешно ушел, – сказал он после короткой паузы. – У меня была назначена важная встреча, на которую я никак не мог опоздать.

– Нет-нет, мы прекрасно все поняли. – Анна улыбнулась. – Единственное, о чем я потом жалела, так это что не успела спросить вас, как долго вы пробудете в нашем городе.

– Как долго? Хм... Ну, это зависит от целого ряда причин.

Могу задержаться недельки на две, а могу и на значительно более долгий срок. Это уж как пойдут дела.

– Вы бизнесмен?

– Нет, я путешественник.

– Да?! А я золотая рыбка. – Анна хитро прищурилась. – Что-то не больно я вам верю... – Она встала, на несколько секунд задержалась в дверях и, небрежно кинув:

– И все-таки где-то я вас уже видела!.. – вышла.

– Может быть, – пробормотал Александр, прижимаясь лбом к холодному стеклу, – все может быть...

В гостиной продолжали веселиться. Правда, за те несколько минут, что Анна отсутствовала, произошли некоторые изменения. Сбежавший было Барик вернулся и теперь принимал в танцах самое активное участие. Музыку, разумеется, он успел сменить. Сейчас на весь дом грохотал «Сплин», под который он выделял такое, от чего у нормального человека давно бы случился сердечный приступ. Светки нигде не было видно, Ирина с Ниной тоже куда-то исчезли. Анна, не зная, чем заняться, тоже пошла танцевать.

«До чего странный парень, – думала она, двигаясь в такт с музыкой, – и откуда только такой взялся? Говорит, что не бизнесмен... Может, и так. Но уж в любом случае не путешественник. А может, он из какой-нибудь секретной спецслужбы? Второй день как появился, а по городу уже ползут слухи... – она почему-то вспомнила Кайла Мак-Лохлана, рас-

смеялась: – Господи, ну когда же я наконец повзростлею?! Двадцать один год, а мыслю как малолетняя дурочка... Интересно, а сколько ему?.. Наверное, около тридцати, хотя кто знает. О таком разве что скажешь наверняка! Одна фамилия чего стоит. Ну да ничего, я его еще разговорю...»

Она присела на диван передохнуть и заметила, что Ваня Хлюпов, который еще совсем недавно торчал у окна со своей глупой книжкой, куда-то исчез. Сначала Анна не придавала этому особого значения, но когда увидела Светку, то сразу все поняла. «Вот козел, а! – ее захлестнула волна благородного негодования. – Ну откуда берутся такие дураки? И что Светка в нем нашла?! Да он мизинца ее не стоит, а корчит из себя...»

– Удрал? – коротко спросила она, когда Светка оказалась рядом.

Та молча кивнула.

– Ну и наплевать на него! Тоже мне, сокровище. И что ты за ним бегаешь, как собачка? Можно подумать, парней вокруг мало.

– Не надо. – Светлана устало вздохнула. – При чем здесь он?..

– То есть как это при чем?! Ты что, с ума сошла?

– Он и так просидел здесь почти три часа. Я бы на его месте с такой тусовки еще раньше сбежала.

– Ах, вот оно что!.. – Анна нахмурилась. – Значит, опять во всем виновата ты, а он, как всегда, самый умный и самый

правильный. Ты это хочешь сказать?

Светлана улыбнулась, но улыбка вышла какой-то вымученной и жалкой.

– Я так надеялась, что хоть сегодня все получится, как было задумано.

– Да перестань ты. Все хорошо! – Анна, обняв подругу за плечи, прижала ее к себе. – Вечеринка прошла шикарно. А то, что твой Ваня дурак... Ну, что теперь поделаешь? Успокойся.

– Ладно, в первый раз, что ли? Справлюсь.

Она засмеялась.

– Конечно справишься! А его мы все равно «сделаем»! – с жаром заговорила Анна. – Вот увидишь. Он еще за тобой на коленях ползать будет. Думаешь, нет?..

В соседней комнате послышался какой-то шум. Светлана поспешила туда.

«Нет, она неисправима, – думала Анна, глядя ей вслед. – Неужели она действительно его так сильно любит? Правильно говорят, от любви люди глупеют. Хлюпов ее в упор не замечает, игнорирует самым демонстративным образом, а Светка ничего этого знать не хочет. Что с ней делать, просто ума не приложу!.. – несколько секунд Анна задумчиво смотрела перед собой, затем усмехнулась и отвела взгляд в сторону. – Можно подумать, сама я чем-то лучше. У Светки хоть надежда есть, а что у меня? Два года одиночества, два года пустоты... Глупо! Господи, до чего это глупо!..»

– Как, и вы не танцуете? – раздалось над самым ее ухом. Анна вздрогнула.

– Ох, извините! Я вас напугал?

Это был Александр. Он обошел диван и сел рядом с ней. В руках у него было два бокала, один из которых он неуверенно протягивал ей.

– Благодарю, – улыбнувшись, она взяла шампанское и сделала небольшой глоток. – Вы всегда так тихо подкрадываетесь?

– Тихо?! – Александр сделал удивленное лицо. – В таком-то грохоте?

Анна засмеялась.

– Это, конечно, не мое дело, но... – Голос его стал серьезным. – Мне показалось, Светлана Викторовна чем-то расстроена... Что-то случилось? Я могу помочь?

– Да нет, все в порядке, не беспокойтесь. Ничего серьезного.

Возникла неловкая пауза. Первым молчание нарушил Александр:

– Скажите, и часто вы так собираетесь?

– Вы о вечеринке?

Он кивнул.

– Каждую неделю, а иногда и не по разу. Это уж от настроения зависит. – Анна весело ему подмигнула: – Впечатляет? Или завидуете?

– Как вам сказать?.. – Александр наморщил лоб и возвел

глаза к потолку. – А что хозяйка? Я имею в виду Светлану Викторовну. Ее подобный расклад устраивает?

– Не понимаю. – Анна артистично изобразила растерянность. – Разве вечеринка – это обременительно?

– Для гостей, думаю, нисколько. А вот для хозяев...

– А что хозяева? По-вашему, веселее торчать в таком громадном доме в одиночестве? Ну, знаете ли...

От возмущения Анна даже нахмурилась.

– Поразительно... – Александр смотрел на нее, прищурившись, тихонько покачивая головой. – Просто невероятно!

– Невероятно? О чем вы?

– Первый раз вижу человека, который так гордится собой! – В эту короткую фразу он вложил изрядную порцию цинизма. – Вам не кажется, что вы слишком агрессивно настроены по отношению ко всему, что вас окружает?

Анна слегка растерялась. Тихий, застенчивый молодой человек, который сидел перед ней, в считанные секунды превратился в самоуверенного, надменного мужчину. Эта метаморфоза застигла ее врасплох, однако она очень быстро совладала с собой и с не меньшей долей цинизма поинтересовалась:

– А разве быть гордой – преступление?

– Нет, конечно. Однако среди семи смертных грехов гордыня занимает далеко не последнее место.

– Вот как! И что же это значит, я буду гореть в аду?

– Вы напрасно иронизируете. Гордцам в нашем мире приходится несравненно труднее, чем людям, преодолевшим в себе этот недостаток. Гордыня делает человека уязвимым. Человеком легче всего манипулировать, используя ее. Уязвленная гордыня сжигает изнутри хуже любой болезни. – Александр снисходительно улыбнулся. – Как видите, одни неприятности и ничего позитивного. Так вы по-прежнему считаете, что быть гордым – это хорошо?

Анна ответила не сразу. В какой-то момент ее охватило смятение. Нет-нет! Причиной были не слова, которые говорил этот странный человек. Причиной было что-то другое, какая-то непонятная сила, исходившая от него. В области солнечного сплетения Анна вдруг почувствовала тепло. «Он хочет как-то воздействовать на меня, – промелькнула несуразная мысль, – он пытается просканировать мое сознание...» Но Анна усилием воли отогнала от себя весь этот вздор, пристально посмотрела ему в глаза и тихим, твердым голосом спросила:

– Почему вы вчера остолбенели, когда увидели меня? Я произвела на вас какое-то особое впечатление?

Теперь растерялся он:

– Не знаю. Сначала мне показалось, что раньше я вас уже где-то видел. – Он отвел взгляд. – Но потом понял, что это не так. Вернее, не совсем так.

– Не совсем так?.. Хм... забавно.

Анна усмехнулась, но уже без прежней наигранности. В

тот миг она чувствовала то же самое. Абсолютно то же самое!

– Я нравлюсь вам?

Вопрос прозвучал до невозможности глупо. Но самое главное, он выскочил из нее как-то сам собой, помимо воли и вопреки желанию. К ее удивлению, Александр ответил на него вполне серьезно, нисколько не смутившись его вульгарной нелепостью:

– Не знаю... – Голос его слегка дрогнул. – То, что я почувствовал, увидев вас, до конца непонятно даже мне самому. Конечно, вы мне нравитесь. Разве может такая девушка, как вы, не нравиться? Но кроме этого...

Он уставился в пол.

– Договаривайте, – тихо произнесла Анна, не узнавая собственного голоса.

В этот момент дверь соседней комнаты с треском распахнулась и, размахивая руками, в гостиную влетел Дрыга. Волосы у него были всклокочены, рот перекошен, а джинсовая безрукавка сбита набок.

– К чертям собачьим! – проорал он, не обращая конкретно ни к кому из присутствующих. – Хорошо повеселились, нечего сказать!..

И, протолкавшись сквозь толпу, выскочил в коридор.

Музыка смолкла, гости возбужденно зашумели. Следом за Дрыгой из комнаты вышла Ида. Лицо у нее было бледным, губы плотно поджаты. Гордо подняв голову, она про-

шествовала к выходу.

Анна и Александр недоуменно переглянулись.

– Что произошло? – спросил он.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Надеюсь, ничего серьезного.

Ирина молча сидела в кресле. Внешне она казалась вполне спокойной. Приветливо улыбалась, непринужденно потягивала «Пепси» через соломинку. Но это только внешне. Внутри у нее бушевала самая настоящая буря. И причиной, вызвавшей эту бурю, была ОНА! Эта белобрысая стерва, имевшая наглость притащиться сюда. Можно подумать, ее кто-то приглашал. Можно подумать, ей здесь рады!.. И ведь стоит, как ни в чем не бывало! Ну и ладно. Стой себе, стой. Все равно ничего не выстоишь...

Ирина отвела взгляд, самодовольно хмыкнула. В сущности, Ида уже давно перестала представлять для нее опасность. В последнее время Вовка практически не вспоминал о ней, а если такое и случалось, то эпитеты в ее адрес он отвешивал самые нелестные. Из единственной и ненаглядной, какой она для него когда-то была, Ида (по собственному его выражению) превратилась в самодовольную бесчувственную дуру. То, что ни о каком соперничестве теперь не могло быть и речи, Ирина отлично понимала. Однако всякий раз, когда они сталкивались, старая ненависть закипала в ней с прежней силой.

Стоя у рояля, Ида безразличным взглядом следила за парнями, играющими в бильярд в противоположном углу гостиной. Она оставалась безучастной ко всему происходящему, но по каким-то мимолетным, едва уловимым признакам Ирина заключила, что на самом деле присутствие на этой вечеринке для нее невыносимо мучительно. Что-то ее тяготило, причиняло боль, и что это было такое, она, кажется, знала.

За всю вечеринку Дрыга не подошел к ней ни разу. Он демонстративно игнорировал ее. (Ирина была в этом абсолютно уверена.) А уж о том, что Ида должна была чувствовать, когда видела, как они целуются, и говорить не стоит! Единственное, чего Ирина не могла понять, так это почему она не уходит отсюда? Почему, несмотря ни на что, продолжает упрямо стоять у этого чертового рояля, делая вид, что ей глубоко на все наплевать?!

Когда свет в комнате потушили, принесли свечи и принялись танцевать, Ирина вышла во двор. Танцев она не любила. Кроме того, захотелось немного проветриться. От долгого сидения в душной комнате голова казалась тяжелой, а мысли – неповоротливыми и вязкими.

На улице уже стемнело. По всей видимости, собирался дождь. Где-то далеко на западе играли зарницы. Ирина долго смотрела в ночное небо, глубоко вдыхая влажный вечерний воздух, к которому примешивался легкий аромат облепихи и флоксов. На душе у нее стало легко и радостно.

Когда Ирина вернулась в дом, то сразу же отметила, что Ида исчезла. В гостиной, где под общее радостное завывание выплясывал Барик, ее не было. Не оказалось ее и на кухне, и в библиотеке. В сердце Ирины закралось нехорошее предчувствие. И дело здесь было совсем не в том, что пропала Ида. Этому-то как раз она скорее обрадовалась бы. Дело было в том, что вместе с ней исчез Вовка.

Ирина проходила одну комнату за другой, но все напрасно. Дрыга словно сквозь землю провалился.

– Ну, погоди у меня! – скрипела она зубами. – Вот я тебе врежу, когда найду!..

Она в нерешительности остановилась перед дверью Светкиной спальни. Обычно, если во время вечеринки дверь спальни оказывалась закрытой, это могло означать только одно – какая-то парочка решила там ненадолго уединиться. Врываться туда в этот момент было как-то не принято. Однако состояние, в котором сейчас находилась Ирина, снимало с нее всякую ответственность за то, что она делала. Поколебавшись только одно мгновение, она распахнула дверь и шагнула внутрь.

Дрыга сидел на постели, скрестив ноги. Выглядел он подавленным, а в правой руке держал сигарету. Ида стояла возле камина, нервно теребя ремешок своей сумочки. По всей видимости, между ними происходил какой-то важный разговор, о чем красноречиво свидетельствовали их сосредоточенные лица.

При появлении Ирины оба вздрогнули. Дрыга попытался улыбнуться, но улыбка получилась похожей на гримасу раздражения. Ида смотрела бесстрастным, холодным взглядом. Она положила сумочку на камин, пересекла комнату, взяла у Дрыги дымящуюся сигарету и, сделав несколько затяжек, раздавила окурочек в пепельнице.

– Ну, как провели время? – спросила Ирина. – Я вам не помешала? Нет?!

Ида презрительно фыркнула и пожала плечами. Дрыга открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в последнее мгновение передумал.

– Тебе не кажется это свинством? – поинтересовалась Ирина, обращаясь к нему персонально.

– Каким свинством? Ты о чем?..

– А ты, – она метнула взгляд в сторону Иды, – какого черта ты снова лезешь в мою жизнь? Тебе мало того, что ты уже натворила?

Ида заметно побледнела, но ничего не ответила.

– Молчишь!.. Разве ты не понимаешь, что ты для него теперь совершенно чужой человек? Ты не понимаешь, что ты здесь лишняя? Какого черта ты вообще приперлась, тебя сюда приглашали?.. Ты не нужна ему. Не нужна, ясно?!

– Говори, пожалуйста, за себя, – ответила Ида. Голос ее был спокоен и тверд. – Если в этой комнате кто и лишний, то такой лишней можешь быть только ты. Я сюда так бесцеремонно не вламывалась.

– Как это понимать? – Ирина перевела разъяренный взгляд на Дрыгу: – Ты что, сволочь, молчишь? Мужик ты, в конце концов, или не мужик?! А может быть, я действительно здесь лишняя?

– Перестань. – Дрыга устало махнул рукой, шаря по карманам в поисках сигарет.

– Что перестать? Перестать обращать внимание на твои скотские выходки? Перестать беспокоиться о том, что ты...

– Мы просто разговаривали.

– Просто **разговаривали**?!

– Да, **просто** разговаривали!

Гнев, который до сих пор она еще как-то сдерживала, достиг критической отметки и вырвался наружу. Ирина, схватив со стола стеклянную вазу, запустила ею в Дрыгу. Не достигнув цели, ваза вдребезги разбилась о столбик кровати. Дрыга вздрогнул и испуганно вытаращился на нее. Сигарета, которую он успел вставить в рот, но еще не зажег, беспомощно повисла, прилипнув к нижней губе. Ида смотрела настороженно, но Ирине теперь было на нее наплевать. Все свое внимание, всю свою ненависть она сконцентрировала на нем.

Дрыга поежился:

– Ты что, совсем спятила?

Голос его дрогнул.

Ирина с истерическим воплем кинулась на него, обеими руками вцепилась ему в волосы.

– Скотина! Ах ты, скотина!.. – визжала она.

Дрыга слабо отбивался, но Ирина оказалась проворнее. Не выпуская левой руки из его волос, правой она несколько раз ударила его по лицу. Оба, не удержав равновесия, свалились на пол, попутно опрокинув стоявшую рядом с кроватью этажерку.

– Мерзавец! Кобель вонючий!..

Ирина, сидя на нем верхом, колотила кулаками ему по затылку.

Дрыга, вжавшись в пол, прикрывал голову руками, даже не пытаясь стряхнуть ее с себя. В этот момент дверь распахнулась и в комнату вбежала Светлана. При ее появлении Ирина несколько пришла в себя, оставила Дрыгу в покое и поднялась на ноги.

– Ублюдок!.. – процедила она сквозь зубы.

Волосы ее были растрепаны, платье помялось. В изнеможении она опустилась на кровать, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Город уже давно кончился, теперь машина неслась по ночному шоссе. С обеих сторон дороги неприступной стеной стояли высокие сосны. Настолько высокие, что свет фар выхватывал из темноты только потемневшие от времени стволы и нижние ветви деревьев. Своими верхушками сосны закрывали небо так, что снизу не было видно ни единой звездочки. Стрелка спидометра перевалила за отметку 160 км/

ч. Создавалось впечатление, будто машина несется в узком подземном туннеле. Это ощущение усиливалось еще и тем, что после того, как она покинула город, навстречу ей до сих пор не попало ни одной машины.

Ида, не отрывая взгляда от дороги, нащупала на сиденье рядом с собой сумочку, так же ощупью отыскала в ней сигареты и закурила. Несмотря на то что внешне она выглядела совершенно бесстрастной, в душе у нее царило жуткое смятение. Раздражение, гнев, ненависть, ехидное злорадство, обида и жалость – все перемешалось, все сбилось в какой-то невообразимый пестрый клубок.

Перед глазами до сих пор стояла эта отвратительная сцена: Дрыга, беспомощно распластавшийся на полу, и сидящая на нем верхом рыжая истеричка. Отчетливее всего ей запомнилось, как безвольно он прикрывал голову руками, как дергалась его левая нога при каждом ударе. Он лежал, словно придавленный таракан, не в силах стряхнуть с себя эту взбесившуюся фурию. Лежал, готовый вот-вот обмочиться. Это было омерзительно! Никогда еще она его так не презирала. Никогда раньше он не казался ей таким ничтожеством.

Ида сделала несколько коротких затяжек и со злостью вышвырнула окурок в узкую щель приоткрытого окна. Машина неслась в неизвестность, пролетая более двух с половиной тысяч метров в минуту. Ида с огромным удовольствием добавила бы газу, но педаль уже и так упиралась в пол.

Она вспоминала их разговор. Всего за несколько минут до

того, как в комнату вломилась эта вульгарная девка, он имел наглость заявить, будто ушел к ней оттого, что не мог больше жить с бездушным роботом, который пытается всех и вся подчинить своей воле. Ее начал одолевать приступ истерического веселья. «Значит, я чудовище, у которого он ходил под каблуком, а она – кроткий ангелочек, неспособный на него даже голоса повысить. Ну что ж, оставайся с этим агнцем, продолжай молиться на свою ненаглядную. Мне ты больше не нужен! О боже, если бы я только поняла раньше, что ты собой представляешь. Если бы мне удалось разглядеть твою тараканью душонку сразу...»

Впереди что-то вспыхнуло. Вспышка была настолько яркой, что, казалось, ей сопутствовал глухой лопающийся звук (словно о бетонную стену со всего размаху врезали апельсином или яблоком). Ида, инстинктивно пригнув голову и зажмурив глаза, ударила по тормозам. Завизжали покрышки, трущиеся о мокрый асфальт, машина пошла юзом и, оставив на шоссе две длинных извилистых полосы, вылетела на обочину, круто развернулась и встала.

Когда Ида очнулась, шел дождь. Крупные капли ритмично барабанили по металлической обшивке. Первой эмоцией, которая ее посетила, было удивление. Как ни странно, но она оказалась пристегнутой ремнем безопасности. Это было невероятно, если вспомнить, в каком состоянии она садилась за руль, но, очевидно, именно это и спасло ей жизнь. Ида оторвала взгляд от своих все еще трясущихся рук и посмот-

рела вперед. На лобовом стекле на уровне глаз красовался густой паутинообразный узор, от которого в разные стороны расходились более мелкие трещинки.

Ида вспомнила вспышку, из-за которой нажала на тормоз, и сообразила, что, скорее всего, это птица вынырнула из темноты леса перед самой машиной и ее ослепило светом фар. Непонятно почему, но вслед за этой догадкой в сознании с потрясающей ясностью всплыл образ мужчины, который так бесцеремонно пялился на нее во время вечеринки и которого она, кажется, уже где-то видела раньше. Ида напряглась, пытаясь сообразить, какая между двумя этими образами связь, но поскольку никакой связи здесь не прослеживалось, она просто отстегнула ремень и вышла наружу.

Машина стояла на самом краю насыпи. Еще немного – и она неминуемо слетела бы в кювет. Однако этого не произошло. Машина осталась цела (если не считать трещины на лобовом стекле), и единственное, что напоминало об аварии, были две черные полосы на асфальте. Дождь усиливался. Наверху глухо бухнуло и эхом прокатилось по верхушкам деревьев.

Ида еще немного постояла возле машины, затем вернулась обратно в салон, откинула с лица мокрую прядь и захлопнула дверцу. Только теперь до нее начал в полной мере доходить ужас случившегося: «Господи, ведь меня уже могло бы не быть!.. Еще немного, и мое изуродованное тело валялось бы сейчас где-нибудь сбоку от дороги, среди искоре-

женного железа и осколков стекла. А если бы я погибла не сразу? Раньше чем через десять – двенадцать часов меня никто не смог бы найти!..»

От таких мыслей по спине пробежал холодок. Она пошарила на сиденье, но сумочки там не оказалось. Достав из бардачка новую пачку, Ида долго не могла извлечь из нее сигарету. Наконец это ей удалось. Она щелкнула зажигалкой, сделала несколько глубоких затяжек. Машина стояла поперек дороги так, что свет включенных фар выхватывал из ночной темноты участок леса на противоположной стороне шоссе. И когда в этом светлом пятне появилась человеческая фигура, закутанная в брезентовый военный плащ, Ида не только не испугалась, но даже не удивилась, настолько она еще была далека от нормального восприятия действительности. Из-за низко надвинутого капюшона, лица человека видно не было.

Некоторое время он стоял неподвижно, а затем двинулся по направлению к машине.

После скандала, устроенного Ириной, вечеринка вступила в стадию своего логического завершения. Сразу же вслед за отбывшим в неизвестном направлении Дрыгой исчез Барик. Возможно, его к чему-то обязывали узы дружбы, а возможно, он просто решил продолжить веселье где-нибудь в другом месте, поскольку после того, как хозяйка дома увела зареванную Ирину в ванную комнату, всем стало ясно, что

на сегодня праздник закончился.

Гости начали расходиться, и спустя полчаса в доме, кроме его хозяйки да уснувшего на веранде Макса, остались только Анна, занятая уборкой посуды, и Александр, бесцельно расхаживающий по комнатам. Он было попытался помочь девушкам с уборкой, но Анна вежливо попросила его не вмешиваться, твердо заявив, что они справятся со всем этим сами. Не зная, чем бы себя занять, Александр вышел в сад.

«Странная получается штука, – думал он, шагая по узкой песчаной дорожке, освещенной протянутой над ней гирляндой из разноцветных фонариков. – Самое привычное занятие для людей – это конфликтовать и создавать друг другу (...*скорее уж враг врагу...*) проблемы. По крайней мере, большую часть своей жизни мы проводим, либо обороняясь, либо нападая на себе подобных. Нет-нет, в самом этом факте нет ничего странного. Странно другое. Странно то, что все эти действия имеют для нас сугубо отрицательное значение. Мы тратим на них драгоценную энергию, так сказать, впустую, ничего не получая взамен, кроме страданий и боли. Мы становимся жертвами неприятностей, вместо того чтобы использовать обрушивающиеся на нас неприятности для саморазвития и повышения своего жизненного статуса».

Александр засмеялся и сел на оказавшуюся поблизости скамейку. Сам он теперь находился в тени, а дом, освещенный изнутри и снаружи, был виден отсюда как на ладони. Вот на веранде заметалась чья-то тощая тень, послышался

грохот опрокидываемых ведер, а затем раздался протяжный звук мучительного облегчения.

– Чему это вы так радуетесь? – услышал он рядом тихий знакомый голос. – Уж не тому ли, что этот алкоголик уделал нам всю веранду? – обойдя заросли шиповника, Анна присела рядом. – Или вам стало весело от мысли, что убирать чужую блевотину придется не вам?

– Нет. Просто я поймал себя на том, что очень своеобразно отношусь к чужому несчастью. Я имею в виду случай с вашей подругой. Ириной, кажется?

– Вот как! И в чем же заключается это своеобразие?

– При виде людских страданий я испытываю необыкновенный душевный подъем. Я впадаю в какое-то радостное состояние, граничащее с безумным восторгом. Более того, эта эйфория доставляет мне неопишуемое удовольствие.

– Боже мой, – Анна отпрянула от него, театральным жестом схватившись за сердце, – я узнала вас, граф. Вы – Дракула!

– Вы напрасно иронизируете, я разговариваю с вами совершенно серьезно.

– Это называется энергетическим вампиризмом, – объяснила Анна.

– Вовсе нет. Просто когда вижу причины, вызывающие в людях такую бурю негативных эмоций, я не могу удержаться от смеха. – Александр улыбнулся. – Мне становится весело, ведь я знаю, что сам никогда из-за таких пустяков расстраи-

ваться не буду.

Анна перестала гримасничать:

– Значит, вы считаете, что случившееся сегодня пустяк?

Александр слегка растерялся:

– Вообще-то, да... Хотя... о том, что произошло, я имею самое отдаленное представление.

– Выходит, вы делаете такие смелые умозаключения, по сути дела, из ничего?

– Я не знаю, **что именно** произошло в спальне, но уверен, что это была банальнейшая сцена ревности. Или я неправ?

Анна отвела взгляд.

– Вот видите. Интуиция меня никогда не подводит. – Александр достал сигарету, повертел ее в руках, после чего засунул обратно в пачку. – Если бы там случилось что-то серьезное, смею вас заверить, я бы это почувствовал.

Она повернулась к нему, и Александр увидел, что в глазах у нее стоят слезы.

– Неужели вы настолько равнодушны к чужому горю? А если бы это произошло с вами?..

Он хотел возразить ей, но почему-то не сделал этого. Он знал, что ее слезы – только игра, но, несмотря на это, они тронули его и привели в какое-то наивное умиление. Ему захотелось страстно обнять ее, захотелось прижать ее к себе, чтобы ощутить тепло ее тела и почувствовать, как бьется ее сердце...

Александр осторожно взял девушку за руку. Анна ничего

не сказала, но по выражению ее лица, по тому, что она не отодвинулась от него и не высвободила своей руки, он понял, что игра перестает быть игрой. В груди у него защемило.

Скамейку, на которой они сидели, окружали густые заросли шиповника. Может быть, из-за этого, а может, из-за тех чувств и воспоминаний, которые на него вдруг нахлынули, Александру вспомнилось четверостишие, которое он написал много лет назад и которое, казалось, давным-давно стерлось из памяти:

...Кустом шиповника в снегу,
Огнем холодных спелых ягод,
Покрытых корочкой заиндевелой,
Я чувствую себя в твоих объятьях...

Некоторое время он сидел молча, так как не мог решить, прочесть это коротенькое стихотворение Анне или нет. С одной стороны, ему очень хотелось сделать это. Чувства переполняли его. Но с другой, он чего-то стеснялся. То ли несовершенства своего поэтического творения, то ли некоторой интимности этих строк...

Затянувшееся молчание нарушила Анна.

– Надеюсь, вы простите меня за бестактный вопрос, – произнесла она, – вы ведь не женаты? На вашей руке нет обручального кольца. Хотя, конечно, мужчины не всегда его носят, но...

– Нет, я не женат. И никогда раньше женат не был. – Он

невесело усмехнулся. – А что, это имеет какое-то отношение к сегодняшнему вечеру?

– Нет, просто мне было интересно. – Она положила голову ему на плечо. – Разве вы никогда никого не любили?

– Я? – Он снова усмехнулся. – Ну почему же (...*любовь и брак – две вещи несовместные...*), любил... Моя ошибка заключалась в том, что я слишком абсолютизировал это чувство. Наверное, поэтому у меня на пальце и нет кольца.

– Что вы имеете в виду?

Анна приподнялась, заглядывая ему в глаза с живым интересом.

– Если я хотел кого-то любить, – пояснил Александр, – то любить вечно и любить только этого человека! Больше того, я хотел, чтобы ответная любовь была бы также направлена на одного меня и была бы неизменной, незыблемой. Разумеется, если что-то выходило за рамки данной схемы, я оказывался полностью дестабилизирован и само понятие любви обесмысливалось в моем сознании. Тот же эффект производил страх. Страх того, что рано или поздно все закончится, что все будет совсем не так, как я себе представляю. Только страх... без каких-либо на то причин!.. – Он поморщился: эти воспоминания не доставляли ему удовольствия. – Я был слишком молод...

Анна наклонилась и прошептала ему в самое ухо:

– Вы излишне интеллектуальны – вот в чем все дело. Любовь – это чувство. Только чувство и ничего больше! Интел-

лект нужен лишь в том случае, если любовь перерастает в намерение создать семью.

– Но разве истинная любовь не подразумевает (...*любовь и брак – две вещи несовместные...*) брака с самого начала?! – с жаром воскликнул он (...*хорошее дело браком не назовут...*).

Анна задумалась.

– Наверное, вы правы, – произнесла она. – Только теперь так никто не думает. Ваши взгляды на любовь слишком старомодны для нашего времени.

– Разве может стать старомодным вечное?

– Вы относите свои убеждения к разряду вечных? – пошутила она.

– Я отношу к разряду вечного любовь!

– А-а... Но ведь это две разные вещи.

Александр ничего не ответил. Он давно знал, что сила женщины кроется не в ее интеллекте, и сегодняшней разговор лишней раз подтвердил это. Высокоразвитое, перешедшее на какой-то новый, более тонкий уровень **чувство** – вот в чем ее сила! Плюс к этому необычайно остро развитая интуиция. Именно поэтому с помощью одного лишь рассудка невозможно ни понять, ни по достоинству оценить женщину. В такие моменты начинаешь думать, что женщина не просто равна мужчине во всем, но что она гораздо более совершенна, чем он, а жизнь ее более насыщена и разнообразна...

– Вы о чем-то задумались?

– Что?! – Он встрепенулся, приходя в себя. – А-а... Да,

немного.

– И о чем же, если не секрет?

– Да так, – уклончиво ответил он, – о своем.

На землю, шелестя листвой, начали падать первые капли дождя. Где-то в отдалении прогремел гром. Налетел резкий порыв ветра, и сразу вслед за ним обрушился ливень. Они бросились к дому. Александр на бегу попытался накинуть на нее свой пиджак, но Анна стряхнула его с себя и со смехом устремилась дальше.

– Ну и как вы? – спросил он, когда они оказались под навесом веранды.

– Не сахарная, не растаю.

С нее ручьями стекала вода. Нагнувшись, Анна принялась отжимать волосы.

– А вы не ответили на мой вопрос, – сказала она, пытаясь перекрыть шум ливня. – Вас бросила ваша девушка или это вы оставили ее?

– Трудно сказать. Да и давно было дело, не помню.

– А кроме шуток?

Александр хитро прищурился.

– Встретившись со своей первой любовью, – торжественным голосом начал он, – я пытался избавиться от нее всеми силами, но так и не смог. Тогда я решил смириться. И вот, когда я начал жить во имя и ради любви, безвозмездно принося себя в жертву, моя любовь меня оставила. Не знаю, ушла она к другому или просто я ей наскучил, дело

не в этом. Мне до сих пор интересно: не потому ли все так вышло, что я **забывал себя** ради любви? Подчинялся, растворялся в ней?.. Ведь говорят же умные люди, что любовь – одно из проявлений воли к смерти. Человек, мол, теряет в любви часть себя как личности, растворяясь в другом существе. Как вы думаете? Я, во всяком случае, иного объяснения этому не нахожу.

– А я нахожу. Вы просто болтун! Я не верю ни единому вашему слову. Из-за этого вас девушки и бросают. – Анна попыталась сделать ему подсечку и опрокинуть в лужу, но у нее ничего не получилось. – Я совсем не удивлюсь, если сию же минуту вас постигнет небесная кара. Поэтому оставайтесь здесь один и не вздумайте ходить за мной. Я не хочу, чтобы меня убило молнией.

Она со смехом взбежала на крыльцо и скрылась в доме. Александр, закинув мокрый пиджак на плечо, поплелся следом.

...все происходящее похоже на сон. Не знаю на какой, плохой или хороший, да это и неважно. Просто на сон. Реальность, окружающая меня, воспринимается иначе, чем раньше. Все осталось прежним, но в то же время стало каким-то другим. Как никогда, я чувствую пустоту, окружающую меня. И не только окружающую. Я чувствую эту пустоту в себе!

Я – ничего!..

...что-то есть, что-то ощущается, присутствует, просит выражения, но как это выразить, я не знаю. Не знаю! Это настолько бессодержательно (хотя и емко), что выразить это обычными, традиционными средствами не представляется возможным.

Я – нигде!..

...и то, что воспринималось как время, утратило свое привычное качество. Вместо него открылась черная бесконечность, пересеченная сверкающим светом. Время превратилось в нечто, противоположное себе. Я продолжаю функционировать, даже несмотря на то, что выпал из времени, окунулся в черную бесконечность и был рассечен сверкающим светом. Поразительно! Все наши представления – только искры, уносимые ветром в пустоту!..

Я – никогда и всегда!..

*На острие
твоих графитовых зрачков
я
черной точкой
к Вечности
пришпилен.*

Эрнест Цветков

Все утро Александр катался на автобусах. Причем не с какой-то определенной целью, а так, чтобы убить время. Барского он дома не застал, хотя заходил к нему аж в половине седьмого, а без Барского все его планы летели коту под хвост. Городских маршрутов в Саисе имелось только семь, и пять из них к одиннадцати утра Александр успел изучить досконально. Сначала он просто глазел в окно, но все, что было можно, он увидел в предыдущие пару дней. Теперь бесконечные парки, вереницы коттеджей и административных зданий казались довольно однообразными и не вызывали ничего, кроме сонной зевоты. В голову полезли мысли о НЕЙ, а вот этого допускать было никак нельзя.

Александр попробовал прислушиваться к чужим разговорам, но и в этом занятии не нашел ничего интересного. Болтовня домохозяйек и школьниц откровенно его раздражала.

От такого количества совершенно бессмысленной информации (преимущественно на любовную и бытовую темы) можно было полезть на стену. Впрочем, не лучше оказались и все остальные. Люди несли откровенный вздор. К примеру, один интеллигентного вида мужчина с жаром рассказывал своему приятелю о какой-то жуткой болезни, якобы передающейся через бумажные деньги, которые для того, чтобы обеззаразить, нужно тщательно проглаживать раскаленным утюгом. Причем говорил он все это с самым серьезным видом, без малейшего намека на иронию или шутку, а тон выдерживал такой, словно являлся крупнейшим в мире специалистом по профилактике и лечению этой самой болезни.

Александр искал что-то около двадцати рублей и вылез на конечной пятого маршрута с твердым намерением никогда в жизни больше не пользоваться общественным транспортом. Он прошел пешком несколько кварталов и вышел к реке. На этом берегу был пляж. Здесь торчало множество разноцветных зонтиков с раскладными креслами под ними, имелось несколько кабинок для переодевания и пара ларьков, торговавших прохладительными напитками. На противоположном берегу располагалась лодочная станция. Левее, метрах в пятидесяти, находился мост. Александр купил себе холодной «Колы», отыскал свободное кресло и сел, предварительно передвинув его в тень. В ботинки ему уже успел набиться песок. Сняв, он поставил их рядом с собой.

«Ну что ж, – размышлял он, потягивая напиток, – если

до обеда Барский не отыщется, значит, и сегодняшней день можно будет считать пропавшим. Интересно, куда он мог пропасть? Дома его нет, в офисе тоже. По мобиле не отвечает... А женушка у него действительно стервозная. Я это еще вчера на вечеринке заметил. "Он здесь не живет!.." Можно было бы и повежливее ответить. Ясно ведь, что я не из праздного любопытства приперся в такую рань. И чего Барский убивается? Ну изменила и изменила. И черт с ней. Развелся, да и дело с концом! А то наматывает сопли на кулак. Как бы еще не запил, чего доброго. Ищи его тогда...»

Эта мысль Александру очень не понравилась. Какое-то время он сидел, насупившись, озабоченно глядя на противоположный берег. На мостках возле лодочной станции пристроился человек с длинной бамбуковой удочкой. Сама станция сегодня не работала. Не было ни отчаливающих, ни причаливающих лодок. Все они стояли на своих местах. Возможно, именно поэтому человек с удочкой так бросался в глаза. Его несуразная фигура в полосатом костюме и соломенная шляпа громадных размеров выглядели довольно забавно. Александр, присмотревшись как следует, с удивлением отметил, что это был именно тот, кого он разыскивал.

– Вот так номер!..

Он торопливо обулся и бросился к мосту. Недопитая жестяная банка упала на песок, и пенная жидкость с шипением полезла наружу.

Барский заметил его еще издали. Он воткнул удочку в ка-

кую-то специальную держалку, скрестил руки на груди и сделал такое лицо, словно вернулся домой после тяжелой смены и обнаружил, что ужин еще не готов.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – начал Александр приторным голосом. – Вот уж никогда бы не подумал, что застану вас именно здесь.

Он пробежался по шаткому сооружению и уселся на теплую доску рядом с ним.

– Здравствуйте, – холодно ответил тот. – Что же удивительного, если человек решил отдохнуть на лоне родной природы? Или, по-вашему, я должен сломя голову бросаться в какой-нибудь круиз? Таиланд, Египет... Восточная экзотика, так?

– Да нет, я совсем не это имел в виду. – Александр улыбнулся. – Отдыхайте, где вам заблагорассудится. Просто... я не знал, что вы в отпуске.

– А я не в отпуске, – все так же неприязненно отозвался Барский. – Решил немного расслабиться, вот и все. Зря только не отправился на Магнитное озеро, как хотел. Здесь, я вижу, отдохнуть не дадут.

Александр закурил. Настроение Барского ему очень не нравилось. Ему было необходимо подвести разговор к главному (...), а что хорошего ждать от человека в таком настроении?

– Вы правы, – сказал он довольно безразличным тоном. – Я к вам пришел по делу. Помните наш разговор в парке?

Барский несколько оживился:

– О двухмерных человечках? Конечно! Только, честно говоря, я не совсем понимаю, какую смогу извлечь для себя выгоду, если соглашусь на ваше предложение... – Он вдруг замолчал, как-то странно мотнул головой (словно его дернули за ухо) и, отвернувшись, схватил удочку. – Простите, кажется, у меня клюет.

Александр улыбнулся. Он прекрасно видел поплавок, который безжизненно покачивался на воде маленьким буйком.

«Так, так, так!.. – он мысленно потер руки. – Кажется, наша рыбка проглотила червячка. Ишь ты, как разнервничался. А ведь я еще не перешел к главному блюду».

– Как какую?! – Александр изобразил на лице крайнюю степень удивления. – А честь открытия, которая будет принадлежать вам? А та деятельность, которую развернут вокруг **ЭТОГО** исследовательские институты? Ведь будет сенсация мирового масштаба! И заметьте, в центре всех этих событий окажетесь вы и ваша фирма!.. Разве это плохая реклама для вашего бизнеса? Разве для крупнейших компаний мира это не послужит поводом увидеть в вас перспективного делового партнера?! – Он оборвал сам себя на полуслове и после секундной заминки добавил: – Впрочем, суть дела я изложил еще при первой встрече. Решайте сами, как поступить.

– Но ведь пока никакого открытия нет, – спокойно возразил Барский. – И вообще, я что-то не очень хорошо пони-

маю, чего вы, собственно, от меня добиваетесь? Вам нужно, чтобы я внес плату за аренду помещения? Или вы хотите...

– Многоуважаемый Сергей Николаевич, – официальным тоном заговорил Александр, – если вы намерены сделать **и это**, то буду вам бесконечно признателен. Однако смею заверить, что, если бы дело касалось только денег, я никогда бы не обратился к вам за помощью. Необходимую сумму я без особого труда найду сам. Тем более что снять зал необходимо всего на один, максимум два-три вечера. А это, насколько вы понимаете, сущие пустяки.

– Чего же вам надо? – воскликнул Барский, уже не скрывая раздражения.

На этот раз у него действительно клевало, но, увлекшись разговором, он не успел вовремя подсечь. Рыба сорвалась, и, судя по всему, крупная рыба.

– Неправильно ловите, – буркнул Александр, не удержавшись. – Надо следить не за поплавком, а за его поведением.

– Не вижу никакой разницы, – язвительно отозвался Барский.

– Зря, – искренне вздохнул Александр. – А нужно мне ваше имя.

– Как?!

Барский даже червяка раздавил, которого собирался насаживать.

– Своего рода франчайзинг, – пояснил Александр. – Все, что необходимо, я сделаю сам. Однако официально проект

будет вестись от вашего имени. Закончив свою часть работы, я преспокойно удалюсь. Что же до вас, то дальше вы можете сами раскручивать этот проект, и любые прибыли поступят в ваше полное распоряжение. Никаких претензий я предъявлять не стану. Тем более что во всей деловой документации я буду проходить всего лишь как рядовой участник проекта.

Барский закинув леску, довольно долго молча смотрел на воду. О чем он думал, по выражению лица догадаться было сложно. Наконец он улыбнулся, но улыбка вышла какой-то странной, слегка сумасшедшей.

– Вы знаете, – произнес он рассеянно, – у меня такое ощущение, что все это со мной уже было.

– Иногда своим ощущениям нужно верить, – осторожно заметил Александр.

– Вы это на полном серьезе?

Александр двусмысленно хмыкнул.

– По-моему, это называется дежавю, хотя... – Барский снова мотнул головой и уже более твердым голосом объявил: – Я понял, к чему вы клоните. Только знаете, все это напоминает мне историю о Новых Васюках. Туристы, ученые со всего света...

Он замолчал, ожидая возражений, но их не последовало.

– Хотя, с другой стороны, попробовать можно. Терять, в любом случае, я ничего не теряю. Кинуть меня у вас не получится, в этом можете не сомневаться. А вот если дело выгорит...

Последовала короткая пауза.

– Ладно, можете считать меня своим спонсором. Просто спонсором. Занесите мне бизнес-план и остальные бумаги сегодня вечером, я их посмотрю. Возможно, завтра с утра вы сможете приступить к осуществлению вашего... **нашего** проекта.

– Бумаги уже у вас, – спокойно сообщил Александр.

На иной исход дела он не рассчитывал.

– Как у меня?! – А вот Барский был удивлен. – Вы что, заходили ко мне домой?

– Да. Ваша жена сказала, что вы отправились на рыбалку, поэтому я вас так легко и нашел.

– На рыбалку? Жена?!

Барский выкатил глаза. Конец его удилица опустился до самой воды, лицо искривилось.

– Ну, что ж, приятно было побеседовать. – Александр поднялся. – Не буду больше мешать. Обещаю, что до завтрашнего утра вы меня не увидите. Всего хорошего.

Он побежал к берегу, балансируя, чтобы не свалиться с шатких мостков.

Честно говоря, за свою дурацкую шутку Александр, как и в прошлый раз, испытывал легкую неловкость. Ведь он понимал, почему Барский торчит на такой жаре, несмотря на то что в офисе его наверняка дожидается тысяча дел. Он понимал, что поступил нехорошо, лишней раз разбередив человеку рану. Все это так, но... «иногда желание поступить

плохо непреодолимо!...»

Когда Александр добрался до поворота, он поймал машину. Несмотря на то что лишних денег у него сейчас не было, автобусом он решил пренебречь.

...Любовь!

Любовь самое непредсказуемое, самое стихийное чувство! Ее можно старательно избегать, ее можно не желать и бояться, от нее можно прятаться, но если все-таки она добирается до тебя, то поглощает всего без остатка. Лекарства от любви еще не придумали. А чем неожиданнее ее появление, тем сильнее она тебя скрутит и тем больше будет твоей душе после, когда, наигравшись вдоволь, эта самая любовь так же неожиданно и безжалостно бросит тебя, отправившись дальше, в поисках новой жертвы... «Глупо сожалеть о том, чего нельзя вернуть». Отличная мысль! Рано или поздно придется примириться с потерей. И чем раньше, тем меньше придется страдать. А бороться за любовь бессмысленно. Любовь – это взаимность. Если возникает борьба, это означает лишь одно: взаимность утрачена. А утрата взаимности в отношениях означает измену или разрыв. Ревность или борьба в данной ситуации только продлят агонию. Да и стоит ли сожалеть о ТАКОЙ любви?!

Да и любви ли?..

Тенденция откладывать дела на понедельник – явление

весьма распространенное. Пожалуй, невозможно найти человека, который в той или иной мере не страдал бы от этого маленького недостатка. Куда реже встречаются люди, действительно принимающиеся за осуществление отложенных дел. Анна относилась скорее к первым, и то, что сегодня она наконец принялась за реферат, было событием если не чрезвычайным, то по крайней мере неординарным.

Эта работа висела на ней уже больше месяца, защиту назначили на следующий вторник, и по здравому размышлению раньше пятницы она никак не могла совершить над собой это вопиющее насилие. Самое забавное заключалось в том, что Анна совершенно не отдавала себе отчета, что же побудило ее с утра пораньше сесть за письменный стол и обложиться бумагами. Сколько она себя помнила, ничего подобного с ней никогда раньше не случалось.

Как бы там ни было, к полудню она составила подробный план работы, а к четырем часам полностью написала и довела до ума вступительную часть. На этом благородный порыв иссяк, мысли, нацеленные на работу, стали рассеиваться, а карандаши затупились. Пора было ставить последнюю точку, что она и сделала.

На кухне негромко гудел холодильник. Звук однообразный и печальный. Наверное, именно из-за этого звука, порывшись в коробке с кассетами, Анна выбрала Нейла Янга. Обычно она предпочитала более приземленную музыку. Эту кассету ей подарил Хлюпов. Кажется, на прошлый день рож-

дения. С тех пор она ставила ее только раз или два. Воспоминание о Хлюпове как-то само собой вызвало в сознании образ Светки, который с невероятной быстротой и легкостью трансформировался в образ Александра Тагеса.

Анна заварила кофе и долго сидела за столом в глубокой задумчивости, остановив взгляд на солнечном пятне, повисшем над холодильником. Окно ее кухни выходило на север, и, значит, пятно было отражением света от стекол мансарды соседнего коттеджа. Звук одинокой гитары, затерянной где-то в просторах Дикого Запада, вводил ее в состояние легкого транса.

Мысль не исчезла, но перестала быть частью обыденного сознания, сделавшись далекой и по-своему ритмичной, подобно морскому прибою. Волны накатывали и отступали, то что-то выбрасывая на берег, то забирая эти предметы обратно в неизвестность водной пучины, откуда они появились.

(...your name really William Blake?!.)

...ЕГО звали Александром. И его **тоже (!)** зовут Александром. Александром Тагесом. Случайно ли?..

...Тогда мне было восемнадцать. Теперь почти двадцать один. Ну и что? Кем я стала за это время? Никаких изменений!..

...Осень. Желтая земля, деревья. Черный шершавый камень в моей руке. Наверное, он очень долго пролежал в воде. Иначе почему такой черный, ведь это только обломок кирпича...

...Неужели это все, что у меня осталось?..

...Я даже не помню ощущения **ЕГО** прикосновений к моему телу...

...Было ли все это?..

(...but I understand, William Blake. You were a poet and a painter...)

...**ОН** был Принцем...

(...and now you are a killer of white men...)

...Чудес не бывает. Разве мог Принц остаться здесь! Это место не для **НЕГО**...

...Что ж, снова одна...

...Одна? А Тагес?! Александр Второй...

...Смешно!..

...Только этот не Принц. Скорее Монах. Или Ворон. Черный Ворон!.. В нем таится какая-то магия, какая-то пугающая сила. Но почему-то меня к нему тянет. А может, именно поэтому?..

...Только разве это любовь? Разве я люблю?..

...Глупо! Как глупо...

...Тогда зачем мне все это нужно?..

(...stupid white man...)

...Зачем напрасно мучить его и себя?! Стоит ли?..

(... William Blake, you go to them!..)

...Он немного наивен, но...

...Совсем не наивен! Просто чуть-чуть старомоден, и только. И видит всё на тысячу шагов вперед...

...Странно, а какая тут связь?..

...Никакой. Змея заглатывает свой собственный хвост.

Уроборос...

...Что это?! Глупо!..

...А может, стоит наконец измениться? Ведь это тоже шанс. Он равнодушен ко мне, это видно по всему. Еще немного, и я им полностью завладею!..

...Но люблю ли?..

...Не знаю. В том-то и дело...

(...Nobody. I don't smoke...)

...А время уходит. Почему? Почему всегда нужно выбирать «или» – «или»?.. Я ненавижу выбирать!..

...Тагес...

...Какая же я все-таки...

...Подлая предательница!..

Магнитофон щелкнул, кассета остановилась. Сработал автостоп. Анна очнулась, дотронулась рукой до чашки с остывшим кофе и сама над собой рассмеялась.

– Кажется, перетрудилась, – произнесла она вслух.

В соседней комнате зазвонил телефон. Анна, выплеснув нетронутый кофе в раковину, подошла к аппарату и сняла трубку. Звонила Нинка. Вернее, Нина Петровна, жена этого крутого деляги, который разъезжает по городу на тачке за триста пятьдесят тысяч баксов. Вот вам, пожалуйста, еще пример. Два совершенно разных человека. У Нинки на уме одни мужики, а у Барского – одни «бабки» (...каламбур!..).

Какого, спрашивается, черта они делают вместе?..

Как обычно, Нина несла всякий вздор. Сообщила о пропаже какой-то Вознесенской. Выдала беглую информацию по поводу недавно открывшегося салона красоты, по ее словам, весьма посредственного, как и все **провинциальные** салоны. Прошла по поводу вчерашней вечеринки и в заключение поинтересовалась, что там такое произошло. «Наверное, только за этим и звонит», – подумала Анна. Она, как смогла, удовлетворила ее любопытство и повесила трубку с чувством легкого раздражения. Звонки, подобные этому, всегда заставляли ее усомниться в целесообразности такого изобретения, как телефон.

Разговор о вечеринке напомнил ей, что на часах половина шестого, а значит, самое время навестить лучшую подругу. Светка наверняка уже дома, а проводить этот вечер в одиночестве Анна не собиралась. Переодеваясь, она поймала себя на том, что снова думает об Александре. Сегодня она увидит его, в этом нет никаких сомнений. Господи, как, оказывается, бывает трудно разобраться в собственных чувствах. Все начиналось как простая игра, и вот теперь эта игра переросла в нечто более значимое.

Ее тянуло к нему. Ей хотелось увидеть его, услышать, как он говорит, узнать, о чем думает. Александр Тагес. Магия заключалась в самом его имени. А когда она прикасалась к нему на скамейке в саду, то ощущала, что в области живота у нее появляется приятное тепло, которое легкими пуль-

сирующими волнами растекалось по всему телу. Интересно, испытывал ли он нечто подобное? Наверное, нет. Разве способны мужчины **чувствовать**? Разве в состоянии они постигать мир не только своим жалким интеллектом, но и душой, когда чувствовать начинает каждая часть твоего тела, каждая клеточка! Хотя... наверное, и среди мужчин попадаются исключения. По крайней мере, было бы несправедливо наделить всей полнотой совершенства одну лишь женщину.

На улицу Анна вышла в самом прекрасном расположении духа. В сердце к ней закралось предчувствие чего-то необыкновенного.

«Черт! Почему я никак не могу научиться держать себя в руках?! – думал Александр, разглядывая странную мохнатую зверушку, болтавшуюся под зеркальцем заднего вида. – Ведь, казалось бы, давно научился контролировать свой разум, а об эмоциях и говорить не приходится. Однако поди ж ты! Анна, Анна... И почему я встретил тебя так некстати? Сейчас, когда мой ум должен оставаться холодным, когда необходимо собрать всю волю и сконцентрировать внимание на заданной цели. Для меня это важно! А я не могу думать ни о чем, кроме тебя...»

Александр мысленно вернулся к началу сегодняшнего дня. Проснувшись в половине пятого, он до шести провалялся в постели, вглядываясь в серые предрассветные сумерки. Чувство тихого восторга и глубокая умиротворенность, ко-

которые он испытывал, были следствием сновидения. В принципе, ничего необыкновенного ему не приснилось. Сон, который он видел и который запомнил до мельчайших подробностей, ничем не отличался от многих других снов. Особенным был след, который после него остался. Александр проснулся, осознавая, что вопросы, теснившиеся у него в голове последние несколько недель, за одну ночь прояснились и стали доступными для понимания.

Такие озарения случались с ним довольно часто. И каждое озарение несло с собой массу важного, массу полезного и необходимого. Самое интересное, что от него практически ничего не требовалось. Нужно было просто лежать и фиксировать то, что всплывает в сознании. Пары «вопрос – ответ» следовали одна за другой размеренно, но быстро, и если вовремя не сфокусироваться на том, что тебя интересует, драгоценная информация уйдет в небытие с такой же легкостью, с какой появилась оттуда. Александр знал это. Тени, скользившие по комнате, были полны значения и смысла.

Возвращаясь сейчас к этому моменту, он отмечал по крайней мере две важные вещи. Первое – это то, что касалось эмоциональной памяти. В человеке есть несколько видов памяти, но эмоциональная занимает особое место и играет, пожалуй, одну из главных ролей. Эмоциональная память избирательна и асимметрична. Как правило, она замечает лишь наиболее позитивные моменты субъективного бытия, схватывая самое приятное и чувственно осязаемое (что,

впрочем, не мешает ей нести и изрядную порцию страдания).

Второе открытие касалось соотношения любви и секса. Этим утром Александр понял забавную штуку: между Любовью и сексом не больше общего, чем между Любовью и... скажем, хорошим ужином или изысканным вином. То, что так часто отождествляется, на самом деле имеет совершенно разные корни. Если первое есть проявление **высшей** эмоциональной стороны человеческого существа, то последнее даже не физиологический аспект **этого** проявления. Это второе открытие. А сложенные вместе, они начинали проливать свет на те темные пятна его души, которые доставляли ему столько неприятностей...

– Куда теперь? – мрачно спросил водитель, который за всю дорогу не проронил ни единого слова.

Машина стояла на светофоре.

– Улица Трюффо, дом четырнадцать, корпус два, – повторил Александр.

Неразговорчивость шофера его немного озадачивала. Обычно эти парни болтают без умолку, однако то, что этот оказался молчуном, было как нельзя кстати. Загорелся зеленый, машина медленно повернула направо, а Александр снова погрузился в размышления.

Итак, утренний перепросмотр на пользу ему не пошел. Вернее, пошел, но выявил больше вопросов, чем дал ответов на них. «Пусть виною всему эмоциональная память, пусть чувство, которое я испытываю к этой девушке, имеет самую

возвышенную природу. Ну и что? Что мне со всем этим делать?! Конечно, любовь – это здорово. Но **сейчас** она принесет мне только лишние проблемы. Сейчас любовь будет скорее тормозом, чем двигателем. Ну как я могу нормально работать, когда каждые пять минут вспоминаю о ней, а вспоминая, забываю обо всем остальном! Анна, Анна...»

Александр расплатился с водителем и вошел в дом через парадную дверь. Боковым крыльцом, ключ от которого лежал у него в кармане, он не воспользовался еще ни разу. В гостиной хозяйки не было. Судя по звяканью, доносившемуся с кухни, а также по чуть сладковатому запаху чего-то подгоревшего, можно было догадаться, что она находится именно там. Сначала Александр хотел зайти поздороваться, но потом передумал. Запах горелого не предвещал ничего хорошего. Он ошупью пробрался по коридору (благополучно разминувшись с колонной) и тихонечко прикрыл за собой дверь комнаты.

Он, выложив все из карманов, снял и аккуратно повесил костюм на спинку стула, а сам переоделся в «домашнее». Клетчатую фланелевую рубашу и старые потертые джинсы он купил в секунд-хенде еще в субботу. Нельзя же, в самом деле, круглые сутки разгуливать в одном и том же. Тем более когда на улице стоит такая жара. Взяв с полки томик Федорова, он улегся на кровать. Головой к окну.

В гостиной играла музыка. «Наверное, хозяйка уже управилась со своими кухонными проблемами», – подумал он.

Дверь сильно приглушала звук, но Александр все-таки узнал голос Леонарда Коэна. Взгляд его быстро скользил по страницам, но смысл прочитанного до сознания не доходил. Образы наплывали один на другой, глаза и мысли блуждали в разных измерениях.

...Как трудно жить, руководствуясь эмоцией!..

...Люблю ли я? Люблю! А она? Наверное...

...Но у каждого человека **свое** представление о любви.

Бывают несостыковки. Что делать?..

...Я испытываю внутренний дискомфорт. Очевидно, я что-то воспринимаю и делаю не так, как надо...

...Не осуждать! Не обижаться! Не держать зла!..

...Она ведет себя со мной так же, как с другими. Она не любит меня?..

...Я не могу **полностью** отдаться ей, подчиниться. Я не люблю ее?..

...Любовь – это рабство, потеря себя, глупость, земное чувство, плотская страсть?..

...Что?!..

...Хочется раствориться, уйти в Никуда. Или просто вернуться в **Прежнее**...

...Полное внутреннее приятие ситуации и одновременно – активность, направленная на то, чтобы изменить все так, как ты хочешь!..

...А как другие люди? Как она?..

...Я – в первую очередь!..

...Не цепляться ни за что!..

...А она не любит меня! Что будет дальше? Она станет вести себя эгоистично, выставляя на первое место свои интересы, то же самое сделаю я...

...Нет взаимопонимания!..

...Нет контакта?..

...Пусто... Не то!..

...Эмоция-интеллект; интеллект-эмоция... Не то! Не то!!.

Главное, каждый в своем стремлении слиться с любимым человеком хочет поглотить его, но не может (и не желает) быть поглощенным им...

...Нет выхода?..

...Тупик?! Или...

...Еще одна попытка?..

...Еще одна попытка!!.

Он слышал, что музыка в гостиной смолкла, что хлопнула входная дверь, после чего поднялся гвалт. Затем эти звуки утратили отчетливость, смешавшись с другими, имевшими совершенно иную природу. Александр вошел в сновидение...

Для Светланы Викторовны Рюминой утро новой недели началось как обычно. Проснувшись, она долго оставалась в постели, перелистывая страницы фотоальбома, который каждый вечер на протяжении нескольких лет обязательно клала на этажерку рядом с кроватью. Фотографии для альбо-

ма начали собираться еще в школе, в седьмом или восьмом классе. Их дарили друзья, она выпрашивала их у знакомых и не очень знакомых людей, а несколько карточек были сняты непосредственно ею. Сначала фотографии хранились в полиэтиленовом пакете за стопкой книг, затем перекочевали в большой картонный конверт, а около двух лет назад заняли наконец свое почетное место в этом фотоальбоме, купленном в специализированном магазине за довольно большие деньги.

Карточки были самыми разными. Цветными и черно-белыми, любительскими и профессиональными, выцветшими поляроидными и яркими фирмы «Kodak». Однако все их объединяло нечто общее. Нечто, присутствующее в том или ином виде на каждом снимке. Этим нечто являлся Иван Хлюпов.

Светлана, разглядывая свое сокровище, переживала невероятную широкую гамму чувств. Лицо ее то озарялось неземным светом, то покрывалось мраком роковой безысходности. Она томно вздыхала, на глаза ей наворачивались слезы. Но, перевернув страницу, она начинала тихонько хихикать, а иногда смеялась в полный голос. Так прошло еще около часа. Спешить ей было некуда, время не имело особого значения. Проснуться часом раньше или часом позже, какая разница?..

Наконец она встала, бережно убрала альбом в шкаф и, без особой охоты сделав несколько гимнастических упражнений, побежала принимать утренний душ. Она наслажда-

лась прохладной водой и ароматом «Самау», наслаждалась музыкой «Jefferson Airplane», включенной на полную мощность в гостиной, но больше всего в эту минуту она наслаждалась отражением своего обнаженного, молодого и стройного тела в большом, занимавшем почти всю стену ванной комнаты зеркале.

«Какая жалость, что постоялец ни свет ни заря куда-то умчался, – думала она, грациозно изгибаясь и поглаживая себя. – Вот было бы классно, если б он случайно вошел сюда и остолбенел, увидев меня... такой!.. Анька просто умерла бы от зависти. И ревности... А может, он уже вернулся?..» В этот момент ей ни с того ни с сего вспомнился Хлюпов. Она выключила воду, быстро растерлась мягким пушистым полотенцем и, накинув цветастый халат, вышла на кухню.

Уже позже, на теннисном корте, она сообразила, что вернуться незамеченным Тагес никак не мог. А эротические фантазии... разве это предосудительно?.. Впрочем, игра сегодня не клеилась совсем не поэтому. Просто она была не в ударе. Просто видела ночью плохой сон, а вчера расстроилась из-за того, что Ваня так быстро ушел. **Просто...** В самом конце сета она умудрилась сломать ракетку и вместо косметического салона, куда собиралась, поехала домой.

Ближе к вечеру позвонила Нина. Светлана очень обрадовалась звонку. Нина всегда сообщала что-нибудь интересенькое. Они долго болтали, обмениваясь всякими сплетнями. Светлана подробно рассказала о вчерашнем происше-

ствии (выразив свое сочувствие Ирине и обругав Дрыгу), а Нина рассказала ей о новом салоне красоты.

– Кстати, есть еще новость, – воскликнула она, когда, казалось бы, все возможные темы были исчерпаны, – пропала Вознесенская!

– Какая Вознесенская? – не сразу сообразила Светлана.

– Ида! Та самая, из-за которой вчера весь сыр-бор разгорелся.

– Ах, Ида... Что значит пропала?!

– То и значит. Ее машину нашли сегодня утром на юго-западном тракте, недалеко от Глахова.

– Ничего не понимаю... – растерянно пробормотала Светлана.

– Никто ничего понять не может! – торжествовали на том конце провода. – Машина разбита вдрабадан! Очевидно, она на полной скорости вылетела с дороги. Ни в машине, ни рядом тела не обнаружили. Есть, правда, версия, что автомобиль угнали, но пока это только версия. Хозяйку-то тачки разыскать не могут!..

– Конечно, машину угнали, – согласилась Светлана, – угонщики и перевернулись. А Ида, наверное, куда-нибудь уехала. Ей ведь вчера от Иринки тоже досталось...

– Может, и так, – разочарованно промямлила Нина. – Ладно, пока. Мне еще Аньке позвонить надо. Чао!

В трубке пошли короткие гудки.

Какое-то время Светлана, не меняя позы, продолжала си-

дочь на диване, размышляя о том, куда могла поехать Ида и кто угнал ее машину. Затем мысли сами собой вернулись к Хлюпову, но долго думать на эту приятную тему ей не пришлось. С кухни понесло горелым. Светлана вспомнила, что, поскольку микроволновка сломалась, она засунула фруктовый пирог в духовку, где нет таймера, и бросилась спасать свой кулинарный шедевр. Хотя, судя по запаху, спасать было уже нечего.

Хлюпов, глубоко затянувшись и сосредоточенно удерживая дым в легких, передал косяк Барикю.

– Самый смак!.. – довольно пробормотал тот, с силой всасывая едкую вонь.

Окурок захрипел, догорающие огоньки малиновой пылью осыпались на песок, оставляя в руках у Барика пустую «штукетину». Некоторое время оба сидели с закрытыми глазами. Первым выдохнул Хлюпов.

– Не-эштя-ак... – прогудел он, выпуская остатки дыма в сторону заходящего солнца.

– Понтовая дурь, – согласился Барик. Он открыл глаза и с неподдельным интересом посмотрел на Хлюпова, удовлетворенно поблескивающего глазенками: – Ты как?

– Все путём! – Ваня зачем-то вскочил, но тут же уселся обратно. – Нелетная погода.

– Ага. – Барик согласно кивнул. – А я на серфинге. Wow-w-w!!.. Такая волна...

– Хочешь анекдот?

– Это про волка-то с ведмедем? Не-а, я уже слышал.

– Вот твоя шапка!..

– Ага!..

Несколько минут поляну оглашал истерический хохот. Насмерть перепуганные насекомые улепетывали кто куда. Барик повалился на спину, но смех из него продолжал бить мощным фонтаном. Мало-помалу фонтан превратился в хиленькую струйку, которая (...*Володя, это писюлька какая-то, а не вода!..*), быстро иссякая, оставила после себя только (...*так мы весь день корячиться будем...*) агонизирующее бульканье.

– Ну, ты даешь, – пробормотал он, пытаясь принять исходное положение, то есть усесться на задницу. – Так же и помереть можно. Больше приколов не надо. Чего-то на приколы не прет.

Хлюпов оставался тих.

– Ты живой?

Тих и грустен.

– Эй, проснись!..

Барик хлопнул его по спине. Хлюпов клюнул песок носом, но сию же секунду выпрямился, словно внутри у него стояла пружина.

– Я жив, – монотонно изрек он.

Барик еще раз толкнул его, и Хлюпов снова, лизнув песок, распрямился.

– Класс!..

– Хватит. Полный рот земли уже. Лучше покурим.

– Позже дунем. Я еще купаться буду.

– Дунем позже. А покурим сейчас. Сигареты у тебя?

Барик с загадочными глазами порылся в карманах и извлек на свет божий пачку «Веги».

– В думку впал? – осведомился он, закуривая сам и передавая другую сигарету Хлюпову.

– Угу. Я щас всегда так. Классный торч! И кайф, и польза. Такое видение открывается, что мама родная!..

– Новую вещь начал? – язвительно поинтересовался Барик.

– Повесть, – ответил Хлюпов, не замечая издевки, – о человеке, который всю жизнь пытался прыгнуть выше собственной головы. Финал трагичен – перелом черепа...

– Про прыгуна с шестом, что ли? С каких это пор тебя на спорт потянуло?

– Сам ты прыгун! Это же образ, аллегория. Понял, дубина?

– Хм... и как же сей шедевр именоваться будет?

– Гуматы.

– Как?! – остолбенел Барик.

– Гуматы... – пожал плечами Хлюпов с добродушной улыбкой.

– А... Почему «Гуматы»?

– Какая разница? Все равно никто не знает, что это та-

кое. – Он вдруг выкатил глаза: – Задумайся и приди в ужас! Ведь они всю жизнь свою проводят в крошечной тьме.

– Кто – «они»? – перепугался Барик.

– Они!! Твои внутренности.

Барик, держась за живот, сложился вдвое. Все его тело содрогалось от беззвучного смеха.

– Ну, чего ты прешься, блин, как слон? Вот возьмешь дурака с собой в лес, потом мучайся с ним...

– Уф, у-уф... – Барик громко икнул. – Да нет, это я... Ты хоть что-то пишешь, хоть про Гуматов каких-то. А мы так на одном месте и топ(...ик!..)чемся. Четыре песни сварили. Да и те, если честно, только на ферме вон, для доярок (...ик!.. *Т-твою мать!!*.) играть. А все этот мудила хренов.

– Вставай, вставай, мудила, жена его будила... – запел Ваня.

– Вот-вот! Какого-такого я с ним связался?

Он еще раз икнул, набрал полную грудь воздуха и замер. Хлюпов коварно усмехнулся, процедил:

– Не бздни, смотри. – И легонько ткнул его пальцем в живот.

Барик заклокотал, но сдержался. На лбу у него вздулась жила. Он, погрозив кулаком, закрыл глаза.

– В любом деле важен профессионализм, это точно, – с видом знатока жизни изрек Хлюпов. – Будь то литература или музыка, один хрен. Нельзя творить только для себя, по своим собственным правилам и ради собственного удовле-

творения. Если каждую минуту не помнить о том, для кого пишешь, то напишешь говно. Хотя, с другой стороны...

Барик с шумом выдохнул воздух. С ближайших кустов посыпались маленькие черные жучки.

– Вот и я ему о том же! – с жаром подхватил он. – А то. «Музыка и деньги в одну ладонь не ложатся...» Урод!

Барик плюнул, пытаясь плевком сшибить повисшую на травинке осу, но промазал.

– Ну и брось ты этого Дрыгу! На кой он тебе сдался?

– Брось, брось... – Барик встал и принялся отряхивать штаны.

Весь песок полетел в лицо Хлюпову, отчего тот расчихался и замахал руками.

– Извини.

Барик быстро скинул одежду.

– Пойду окунусь...

Он подтянул длинные, почти до самых колен, полосатые трусы и с гиканьем помчался к реке.

– Вали давай отседова!.. Хоть немного от тебя отдохну.

Ваня высморкался, отыскал в Бариковой одежде мятую пачку и вытащил из нее гнутую, как червяк, сигарету.

«Слова, слова...» А на самом деле: мысли, мысли... «Мысли – это радиоволны... – думал он, равнодушно наблюдая за тем, как плещется в реке Барик, время от времени показывая над водой голую жопу (...американский поплавок!..). – Только вот насколько мысли связаны со словами

и какая между двумя этими явлениями существует зависимость, не совсем понятно. Что первично и что от чего рождается? Мысль выражается вовне через слово, это ясно. Более того, в какой-то мере и в голове мысли присутствуют в виде слов... Слов & Образов... Но ведь и образы выражаются словами, а слова могут не нести в себе никакого смысла, чего никогда не случается с Идеями. Вот такая штука! Только и Идея не может развиваться без Слова и Образа, а выражая идеи словами, свободно оперируя построением образов... Черт! Ахинея какая-то...»

Ему на мгновение вспомнилась Светка Рюмина, но он тут же отогнал этот фантом прочь. Светка ему не нравилась, а ее мушиная прилипчивость выводила из себя. Вот если б на ее месте оказалась Анька, тогда другое дело. А Светка... Ну не нравится, и всё! И хоть ты тресни!..

– Чего сидишь? Заколачивай давай! – Барик приплясывал на правой ноге, левой рукой с остервенением колотя себя по уху. – Щас ка-ак дунем!

Он потрянул волосатой башкой, окатив Хлюпова мелкими брызгами.

– Отвянь! Мешаешь...

Ваня, как пылесос, всасывал в пустую папиросную гильзу («штaketину») мелко растертую зеленовато-коричневую пыль.

– Ровно на косяк, – констатировал он.

Дунули. Барик сразу улетел в стратосферу, а Хлюпов как

ни в чем не бывало остался сидеть на песочке. Он уже давно заметил такую странность – больше, чем на первый косяк, его не пробивало. Что словил после первого, на том и тащись. После можешь хоть весь «корабль» враз высмолить, кайфу от этого не прибавится. А Барика ничего цапануло. Во прется, аж завидно!

Ваня вздохнул.

– Слышь, Бариковский, – он покачал его за большой палец ноги, – а чего это Макс так нарезался вчера? Он же вроде бы по бухлу не прикалывается...

– Щас как дам в чрево! – угрожающе зарычал Барик.

На несколько минут Хлюпов оставил его в покое, а когда наконец решился повторить вопрос, Барик заговорил сам:

– Эй, Спиноза! – Он уставился на Хлюпова сверкающими, как две новые монеты, глазами. – Ну почему ты в Бога не веришь, а? Ответь.

– А с чего ты взял, что не верю? – удивился Ваня.

– Я ж знаю. Все знают! Ну скажи – почему?

– Наверное, потому что верю в его отсутствие. Бог умер, как это ни банально звучит.

– Пошло, а не просто банально... Ты помнишь того мужика?

– Какого еще мужика? – удивился Хлюпов.

– Ну, того, который у Светки квартируется. Он еще вчера на вечеринке всю дорогу к Аньке клеился.

– Это такой из себя весь, в костюме?

– Ага. – Барик кивнул. – Хотя пришел он сюда совсем без костюма...

– Голый, что ли?

– Ладно, проехали. Ну, так вот, я у него книжечку одну увел...

– Книжечку? – оживился Хлюпов. – Какую книжечку?

– Синенькую, записную... Дело не в этом. Понимаешь, неспроста он к нам закатился. Чувствую, что совсем неспроста!.. И в Бога ты зря не веришь, и вообще...

Барик вдруг резко перекинулся набок, его вырвало.

– Ты что? – Хлюпов брезгливо поморщился.

– Вот черт... – Он вытер губы тыльной стороной ладони. – Сам не знаю. Ни разу такого не было. В жизни с травы не блевал!

Ваня продолжал косомордиться.

– Слушай, дай книжечку полистать, – попросил он. – Я тебе завтра же верну, честное слово!

Барик ничего не ответил. Отодвинувшись подальше от блевотины, он пытался зажечь сигарету.

– Ну дай, – продолжал канючить Ваня. – А я тебе сидишки Шнитке и Курехина подгоню. Помнишь, ты спрашивал?

Барик безмолвствовал. Он быстро оделся, помочился на куст дикой смородины и, повязав рубаху вокруг талии, направился к дороге. Солнце село, а до города километра полтора. По прохладце могут и комары сожрать.

Ваня плелся следом, не переставая скулить. На мосту он

совсем озверел и, вцепившись Барикку в руку, угрожающе завизжал:

– Дашь или нет?!

Барик секунду помедлил.

– Дам, – сказал он спокойно и как ни в чем не бывало потопал дальше.

*...1.018. Так как Я бесконечен, я вижу смысл и необходимость разобраться в том, что же такое то, что меня окружает, что же такое **мир**?*

*1.019. Я знаю, что окружающий меня мир существует независимо от меня и моего сознания. Он существует таким, **какой он есть**, независимо от того, каким я его себе представляю. Однако то, каким я его себе представляю, делает его **для меня** именно таким и никаким другим.*

1.020. Для меня окружающий мир таков, каким я его себе представляю!

1.021. У меня есть пять органов восприятия, благодаря которым я получаю информацию об окружающем меня мире. У меня есть разум, благодаря которому я могу анализировать информацию, получаемую через органы внешнего восприятия, и строить предположения о том, каков окружающий меня мир.

1.022. Но мои органы чувств дают мне информацию не обо всем окружающем меня мире, а только о незначительной его части. Впрочем, благодаря своему разуму я могу рас-

ширить свои представления о мире, выдвинув те или иные **предположения** о том, что находится за пределами досягаемости моих органов чувств.

1.023. Благодаря разуму я могу создавать различные приборы и приспособления, которые в той или иной мере расширяют диапазон восприятия моих органов чувств. Благодаря разуму я могу расширить свои представления об окружающем мире, основываясь на той информации, которую получаю при помощи созданных приборов и приспособлений.

1.024. Я могу производить в окружающем меня мире те или иные **изменения**, действуя избирательно и целенаправленно, могу **интерпретировать** полученные результаты тем или иным образом и делать разнообразные выводы, создавая тем самым в своем сознании более или менее искаженное представление о доступной мне части окружающего мира. Распространяя это представление на те части мира, которые мне недоступны, я могу **предположить**, что знаю и их.

1.025. И наконец, принимая за истинное то представление об окружающем мире, которое я для себя создал, я могу действовать в этом мире, что, в зависимости от результатов деятельности, подтвердит еще более или опровергнет относительную истинность моего представления о нем.

1.026. Подобным образом я могу познавать окружающий меня мир либо в одиночку, (что нецелесообразно и практически невозможно), либо сообщая с другими людьми.

1.027. Человеку свойственно придерживаться крайних точек зрения. А крайности в большинстве случаев есть признак заблуждения. В то же время в любой человеческой крайности неизменно присутствует доля истины. Благодаря разуму я могу сравнивать и анализировать точки зрения различных людей, откидывая все, **на мой взгляд**, ложное и сохраняя истинное (отделяя зерна от плевел), и тем самым находить более или менее правильное решение.

1.028. Развиваясь, я могу все более и более совершенствовать свои воспринимающие органы, созданные приборы и приспособления, а также свой разум. Я могу накапливать и хранить полученный опыт, могу использовать накопленный опыт живших до меня поколений. Все это позволит мне получать наименее искаженное представление об окружающем мире.

1.029. Я не знаю, к чему может привести в дальнейшем процесс непрерывного развития и совершенствования в области познания мира. На данном этапе моего существования меня это не касается.

1.030. Возможно (?), что в далеком будущем человечество сможет познать окружающий мир полностью (т. е. **абсолютно**), познать, в каком направлении происходит его (мира) изменение и обрести тем самым абсолютное знание о нем. Возможно, что вслед за этим человечество сможет изменять **весь** окружающий мир по своему усмотрению.

Впрочем, вероятно (!), что этого не произойдет и абсо-

лютой истины человечество никогда не узнает. Быть может (...), ее узнают существа, более совершенные, чем человек, которые разовьются в таковых из человека в процессе эволюции. На данном этапе моего существования **меня** это не касается.

1.031. Я знаю, что мое представление о мире **всегда** будет искаженным. Причем, чем больше степень данного искажения, тем с большими трудностями мне придется сталкиваться в повседневной жизни; чем же эта степень искажения меньше, тем правильнее и удачливее станет осуществляться моя деятельность.

1.032. Чем больше я буду узнавать об окружающем меня мире, тем точнее будут становиться мои знания о нем. Чем больше я знаю, тем большее поле **деятельности** передо мной открывается; чем больше я действую, тем больше я **знаю...**

1.033. И все же, сколь много бы я ни знал и как бы глубоко ни проник в суть вещей, знания мои по-прежнему останутся лишь искаженным отображением действительности.

1.034. Но если Я могу обладать лишь относительным знанием, то есть ли в мире Некто или нечто, обладающее знанием **абсолютным**? Присутствует ли в мире Абсолют?..

Когда он проснулся, было уже довольно поздно. Судя по сумеркам, повисшим в комнате, часов десять-одиннадцать

вечера. Не меньше. Он потянулся и сел, свесив с кровати ноги. Перед глазами все еще стояли остатки сновидения. Дождь, визг тормозов, какая-то жуткая автокатастрофа и человек в брезентовом плаще, уносящий мертвое тело в лесную чашу...

Александр зевнул, и тут же в дверь его комнаты постучали.

– Открыто, – сказал он невнятно, пытаясь преодолеть зевок.

– Добрый вечер. – В комнату вошла Анна. – Вы спали?.. Извините, я не знала...

Она в нерешительности остановилась на пороге, и Александр отметил про себя, что эта нерешительность идет ей куда больше, чем подчеркнуто независимый, самоуверенный (а местами и вовсе нагловатый!) вид.

– Входите, входите! – Он вскочил, буквально силой втаскивая девушку в комнату. – Это мне нужно извиниться за то, что сплю в такое время, когда все нормальные люди бодрствуют.

– Света сказала, вы утром очень рано ушли. Какие-то важные дела?

– Вовсе нет.

Он подошел к окну, отдернул штору. В комнате стало светлее и как-то по-вечернему уютнее. Солнце уже скрылось за горизонтом, но оставило после себя необыкновенной красоты малиново-оранжевую полосу.

– Просто мне очень было нужно встретиться с Барским... – Александр усадил девушку на кровать, а сам присел на кушетку напротив. – Впрочем, это не важно.

– С Барским? – Анна наморщила лоб, как бы припоминая что-то. – Ах, Барский! Нинкин муж. Наша городская достопримечательность. Даже не сразу вспомнила. – Она захихикала. – Что же у вас с ним общего? Вы, кажется, говорили, что не имеете к бизнесу никакого отношения.

– Верно, – Александр несколько раз провел ладонью по волосам, пытаясь их пригладить, – не имею. Зато Барский имеет самое непосредственное. Именно поэтому он мне и нужен.

– Затеваете какую-то авантюру? – заговорщицким голосом, слегка пригнув голову и вытянув шею, поинтересовалась Анна.

Чисто механически Александр отметил, что кривляние ей совсем не идет.

– Нет, – сказал он, вздыхая, – никаких авантур. Я человек мирный, и на сомнительные приключения меня не тянет.

Анна слегка смутилась. Этот человек реагировал на нее совсем не так, как она ожидала. Не так, как реагировало большинство знакомых ей молодых людей. Он упорно не позволял втягивать себя в игру. В комнате повисло молчание.

– Что же вы замолчали? – произнесла она, когда дольше молчать становилось просто неудобным. – Вам, наверное,

интересно узнать, зачем я пришла?

– Нет. – Александр улыбнулся. – Я рад вам в любом случае, какой бы ни оказалась цель вашего визита.

– Цель моего визита... – повторила она и улыбнулась в ответ. – А вы знаете, что у вас довольно странная манера... вести разговор? Это я говорю вам как филолог. – Анна засмеялась. – и, разговаривая с вами, невольно начинаешь вам подражать. Или... как бы это сказать точнее... Подыгрывать, что ли?..

– Я заметил, что вам очень нравится **игра**. Наверное, из вас получилась бы прекрасная актриса. Вы учитесь случайно не в театральном?

– Нет, – она снова засмеялась, на этот раз более естественно, – я будущий педагог.

– Ого! Это очень ответственная профессия, очень! И что же вы собираетесь преподавать?

– Наверное, русский язык и литературу. – Она вдруг заметно помрачнела. – Впрочем, не знаю. Может, и ничего не буду...

Лицо ее стало грустным.

– Простите, я сказал что-то не то? – заволновался Александр.

– Нет-нет... – Она рассеянно покачала головой. – Дело не в вас. Просто, проучившись четыре года, я вдруг поняла, что это совсем не то, чем я хотела бы заниматься.

– А чем бы вы хотели заниматься? – осторожно поинте-

ресовался он.

– Не знаю, но не этим. Может быть, музыкой или поэзией. Литературной критикой, в конце концов. Только не преподавать!

– Вы не любите детей?

– Я не люблю быть ничтожеством.

– Понятно.

Александр пересек комнату и, сев на кровать рядом с Анной, взял ее ладонь в свои руки. Совсем как тогда, в саду. За окном уже почти совершенно стемнело, но зажигать свет почему-то не хотелось.

– Это самая распространенная ошибка, – произнес он мягко. – Большинство молодых людей, оканчивающих школу и намеренных учиться дальше, поступают не туда, куда им хотелось бы, а туда, куда, как им кажется, они в состоянии поступить.

– Большинство молодых людей поступает куда угодно, лишь бы продолжать валять дурака, – возразила Анна. – А о том, куда им хочется, к чему расположены душа и сердце, ни один из этого большинства не задумывается. Разве можно думать о том, чего просто-напросто нет?..

В этот момент в коридоре послышался топот, поднялся гвалт и дверь распахнулась. В комнату с шумом ввалился Макс, следом за ним просунулись Светлана и кто-то третий, в темных очках.

– Ну что, идете?! – заорал Макс. Резко понизил голос и,

как бы удивляясь, добавил: – А чего это вы... в потемках сидите?

Послышался смех. В глубине коридора продолжали топотать, затем раздался глухой удар, за которым последовала внятная ругань. Александр узнал голос Дрыги.

«Ну надо же, – усмехнулся он про себя, – видно, не одному мне эта колонна встала поперек дороги».

– Ну, так идете? – повторил Макс.

Александр молчал.

– Идем, идем, – Анна до боли сжала его руку, – только позже. Следом за вами.

– Ну-у... как знаете.

Макс и вся остальная шатия с тем же грохотом медленно стали отступать обратно в гостиную. Последней исчезла Светлана, задержавшаяся в дверях несколько дольше, чем того требовала необходимость.

– Куда же мы должны идти? – поинтересовался Александр, когда они остались одни.

Анна встала:

– Собственно говоря, именно за этим я к вам и приходила. Сегодня в Центральном парке праздник. Всю ночь играет музыка, работают ресторан и бар... Наши конечно же собираются туда. Вот я и подумала, а не составите ли вы нам компанию?..

Она замолчала, глядя на него то ли насмешливо, то ли виновато. В темноте разобрать было трудно. Он встал и совер-

шенно для себя неожиданно обнял ее и поцеловал в губы. Анна, не ожидавшая от него ничего подобного, напряглась, но тут же обмякла и, обхватив его шею руками, ответила на поцелуй еще более долгим и страстным поцелуем. Словно отомстила.

– Чтобы переодеться, мне понадобится только пара минут, – ответил Александр, слегка обалдевший от происходящего.

– Я подожду вас в холле, – сказала она, – можете не торопиться.

Короткая пауза.

– Идти вместе с ними, – Анна кивнула в сторону гостиной, откуда доносились топот и крики, – у меня нет никакого желания.

Вечер выдался приятным и теплым. Они медленно брели по слабо освещенным улицам. Где-то на западе еще догорали остатки зари, а с востока на город уже наплывала ночь. Начали зажигаться первые звездочки. Слышался отдаленный лай собак, отчего маленький город казался большой деревней. В воздухе пахло речными водорослями. Как-то само собой получилось, что на праздник они не пошли. Быстренько прошмыгнули мимо чугунной ограды, и парк с его огнями остался позади, а они все удалялись и удалялись от центра города.

Когда окончательно стемнело, они вышли к реке. К тому

самому месту, где днем Александр пил «Колу». Пустая жестянка все еще валялась на песке. Сейчас на пляже не было ни одной живой души. А вот на лодочной станции, напротив, наблюдалось некоторое оживление. Ярко горел прожектор, свет которого доставал даже сюда, оставляя на воде светящуюся дорожку. Доносились звуки органного концерта Генделя. В тени навеса копошились какие-то личности.

– Присядем, – предложил Александр, расстилая на песке свой пиджак, хотя вокруг было полно раскладных стульчиков.

Песок оказался еще теплым.

– Это здесь вы поймали Барского? – поинтересовалась Анна. – Вот смеху-то!..

– Да, он торчал возле лодочной станции. Во-он на тех мостках. – Александр указал где именно. – И одет был, надо заметить, жутковато.

– Представляю себе...

Некоторое время оба молчали. Анна лежала на спине, устроившись головой у него на коленях, и широко раскрытыми глазами всматривалась в усыпанное звездами небо.

– Как их там много, – произнесла она, не отрывая взгляда от черной бездны, – и как они (...*всего около трех тысяч звезд*...) от нас далеко. Другие миры, другие люди... Но, наверное, такая же точно любовь, как и здесь, у нас... Как ты считаешь?

– Не знаю, – Александр нежно погладил ее лицо, волосы, –

по астрономии у меня всегда был трояк. Одно время я гордился, что без труда могу отыскать Малую Медведицу, а потом вдруг выяснилось, что это никакая не Медведица, а какое-то звездное скопление.

– Плеяды! – догадалась Анна. – Очень многие принимают Плеяды за Малую Медведицу.

– Какая ты умница! – Александр нагнулся и поцеловал ее. – В китайском символизме Плеядой называется третий Элемент, – сказал он. – Первый – это активная светлая сила Ян, а второй – пассивная темная сила Инь.

– Третий Элемент? – улыбнулась Анна. – Почти как у Бессона.

– Я не смотрел, – отозвался он. – Плеяда означает связь между Верхним и Нижним мирами. Это одна из императорских эмблем. «То, что соединяет вместе всё различающееся»...

– Какой ты умница! – пошутила она, приподнялась и чмокнула его в подбородок.

Оба засмеялись.

На противоположном берегу началась какая-то возня. Кажется, спускали на воду лодку.

– Скажи, только на этот раз честно, – попросила Анна, – почему ты все-таки до сих пор не женился? Не можешь забыть **ЕЁ**?..

– Нет, – он попытался улыбнуться, – наверное, нет. Просто после **НЕЁ** я так и не смог встретить человека, кото-

рый... Как бы это сказать?.. Который полностью соответствовал бы мне. Во всех отношениях!

– А **ОНА**... соответствовала?

– Нет, – Александр отрицательно покачал головой, – именно поэтому наши отношения имели такой финал. После я даже придумал нечто вроде маленького теста.

– Расскажи. – Анна смотрела ему в глаз. – А вдруг я окажусь той, которую ты ищешь?..

Было неясно, серьезно она говорит или шутит.

– Ну, во-первых, – начал он, – любовь должна быть взаимной.

– Как? – удивилась Анна. – Разве у вас не было такой взаимности?!

– Нет. Так думал я, отчасти так думала и **ОНА**, но потом оказалось, что нет. Если любишь, то готов принести в жертву ради любимого человека все. Себя, свои взгляды и принципы, свои увлечения... В общем, настал момент, когда **ОНА** поняла, что либо должна принести эту жертву, либо... **ОНА** решила, что не настолько любит меня, чтобы ограничивать ради меня свою свободу.

– **Свободу**? Что ты имеешь в виду?

– А разве не ясно?

Повисло неловкое молчание.

– Ну хорошо, – Анна взяла его за руку, – первый пункт – это взаимная любовь. Что дальше?

– Дальше у людей должны быть общие интересы.

– Так уж и общие?

– Ну, если не общие, то схожие, – улыбнулся Александр. – Без этого долгосрочный союз может оказаться обременительным. Разность интересов в браке становится одной из причин, ведущих людей к отчуждению.

– Допустим, а дальше?

– А дальше три фактора совместимости. Совместимость бытовая, совместимость интеллектуально-эмоциональная и, наконец, совместимость сексуальная.

– Ты ставишь сексуальную совместимость в самый конец? – удивилась она.

– Ну, это же мой тест. А значение секса современным обществом очень сильно преувеличивается, – с улыбкой ответил Александр. – Хотя против секса лично я ничего не имею. Если, конечно, это будет проявлением **любови**, а не похоти...

Он начал медленно расстегивать пуговицы на ее блузке. Одну, другую, третью... Затем нагнулся и припал к ее губам. Анна не сопротивлялась. Она обхватила его руками, дыхание ее начало учащаться. Сорванная блузка полетела в темноту. Выяснилось, что больше под ней ничего не было. Как он оказался без рубашки, сказать трудно. Александр вдруг ощутил своей грудью ее груди. Маленькие и упругие. Он чувствовал, как набухают ее соски, в то время как руки его уже расстегивали молнию на ее джинсах.

– Не торопись... – Ее дыхание все учащалось. – Медленнее...

«Слава богу, – промелькнуло у него в голове, – в обед я успел принять душ...» Это была последняя связная мысль. Все, что происходило дальше, не имело к мышлению никакого отношения.

4

*Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет – она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.*

Николай Олейников

13:12

Александр потоптался возле клумбы, в которую несколько дней назад его впечатал Дрыга, затем выплюнул окурок и свистнул. Окно на втором этаже, как и в прошлый раз, было распахнуто. Только теперь вместо гитарного бряканья из него доносилось невнятное бормотание. Вполне возможно, что находившиеся в комнате люди о чем-то спорили.

– Эй, – заорал Александр, не дождавшись никакой реакции на свой свист, – ну чего вы там, совсем охренели?!

Он машинально отметил, что за три дня цветы успели распрямиться и клумба приняла прежний вид. Шум в комнате смолк, высунулась бледная Дрыгина морда.

– Чего еще? – хмуро спросил он.

– Дело есть, – ответил Александр, – поговорить надо. Как к вам можно попасть?

– По веревочной лестнице можно, – съязвил Дрыга, – но ее у нас нет. А можно по нормальной. Подъезд с той стороны. Квартира номер семь.

Он показал рукой, с какой стороны удобнее всего будет обогнуть дом, и, не говоря больше ни слова, засунулся обратно в комнату. Зайдя за угол, Александр понял, что придется лезть через забор. Может, Дрыга таким образом решил подшутить над ним, а может, это и в самом деле был кратчайший путь.

На старых, потемневших от постоянной сырости досках красовалась меловая надпись. «**FACK OFF!**» – заявлял все-миру (вернее, незначительной его части) неизвестный автор. Александр усмехнулся. Сколько раз он видел эту надпись, и, как правило (...*as a rule*...), слово «fuck» было написано через «эй». Уж лучше бы писали, как встарь, из трех букв. И короче, и грамотнее. А вообще-то, природа подобных надписей весьма интересна. Что движет человеком, решившим оставить подобный автограф? Сразу и не ответишь... Кряхтя, он полез через забор.

Дверь в квартиру оказалась незапертой. Александр толкнул ее и вошел внутрь. В комнате жутко воняло пивом. Источник этого запаха, в виде нескольких трехлитровых банок, находился в самом ее центре, посреди журнального столика, заваленного окурками, рыбьими очистками и прочим мусором. Откуда-то из-под пола негромко играла музыка (кажется, сестры Берри), и Александр с удивлением покосился

на выставленные у окошка громадные концертные колонки. «Как же бывает весело соседям при такой картонной слышимости», – подумалось ему не без сочувствия.

В одном углу комнаты в кресле развалился Барик, в другом углу в кресле возлежал Дрыга. Третьего кресла предусмотрено не было, поэтому Александр бодро пересек комнату и без приглашения уселся на крохотный диванчик, стоявший точно напротив ударной установки «Pearl».

– Здравствуйте. – Он широко улыбнулся.

– Чего надо? – недружелюбно откликнулся Дрыга. – Если по делу пришли, говорите. Нечего kota за хвост тянуть.

– Пива? – предложил Барик.

– Можно и пива, – согласился Александр и, повернувшись к Дрыге, добавил: – Я принес вам диски. Светлана Викторовна просила передать, если окажусь поблизости. Вот...

Он достал из кармана джинсовки две плоские коробочки и после секундного колебания положил их на заляпанный пивом стол.

– Большое спасибо, – принял у Барика наполненную до краев кружку.

– Что там? – поинтересовался Дрыга.

– Ля групп «НОМ», – ответил Барик, сгребая компакты и перекладывая их на тумбочку. – «Во имя разума» энд «Сенька Мосг/хаз».

– Понятно...

Дрыга апатично принялся ковырять в носу.

– А как поживает картина за тысячу двести? – спросил он после короткой паузы.

– Ничего себе поживает, – все с той же улыбкой ответил Александр, – висит на стене и радуется глаз.

– Чей глаз?

– Мой, конечно.

– А маечку эту вы специально для нас напялили? – не унимался Дрыга. – Могли бы и не утруждать себя. Сошел бы и ваш цивильный костюмчик.

Александр сделал несколько больших глотков. Майку он действительно надел **специально** (и джинсовку тоже). Кто был на ней изображен, он не знал, но почему-то думал, что этот мужик будет здесь хорошо принят. Наверное, зря думал. Сделав еще глоток, он поставил кружку на стол. Пиво было до омерзения теплым.

– Да, майку я надел специально для вас. Кстати, вы не в курсе, кто на ней нарисован? У меня как-то не было времени разобраться.

Дрыга презрительно фыркнул.

– Уолт Дисней, – пробурчал он, – кто же еще!..

Барик заржал.

– Не обращайтесь внимания, – подмигнул он Александру, – сегодня у него хреновое настроение. Поругался с подружкой, ну и все такое... – Он сделал замысловатый жест рукой. – Что вас к нам привело? Я думаю, компакт-диски – это только предлог.

Несколько удивленный такой пронизательностью, Александр решил переть напролом.

– У меня пропала записная книжка, – тщательно выговаривая каждое слово, произнес он. – Вам, случайно, не попала?

– Записная книжка?.. – ответил Барик, не моргнув глазом. – Нет, откуда она у нас? А если б мы ее и нашли, то уже давно вернули бы вам... Можете не сомневаться.

– Как тут не сомневаться...

Их взгляды встретились.

– Вы не помните, что случилось на маковом поле? – быстро спросил Александр. – Как звали того человека?..

По лицу Барика пробежала легкая судорога.

– Небо было черным от птиц, – продолжал Александр, – а он пришел с севера. Вы испугались его! Или я не прав?..

– Да, – Барик принялся растирать виски, – в небе было полно птиц. Это было ужасно! Хуже, чем у Хичкока!..

– А человек... как его звали?

– Как звали?.. Не помню... – Барик, не переставая массировать виски, встал и прошелся по комнате. – Фамилия была странная, это точно... Он назвался, а затем ударил меня...

– Что, мать вашу, за херню вы несете? – подал голос Дрыга. – Может, объясните и мне? Я ни хрена не понимаю!

Александр сделал жест рукой и Дрыга замолк.

– Так как его звали? – повторил он свой вопрос.

– Фат! – воскликнул Барик, отдергивая руки от лица. –

Точно! Петр Петрович Фат. Я еще подумал: какой-такой Фат? А он...

– Это не важно. Что он велел передать **мне**?

– Колесо номер семь! – отчеканил Барик. – Колесо. Колесо. Колесо...

Александр улыбнулся.

– Точно! Колесо номер семь!..

– Сильно сказано.

Он перевел взгляд на Дрыгу, с любопытством поблескивающего глазенками из своего кресла. Затем снова на Барика. Взял со стола кружку и решительно влил в себя (...*специально они его кипятят, что ли?..*) остатки той мерзости, которая там оставалась.

Барик перестал носиться по комнате, уселся на место и закрыл глаза. Его начала бить мелкая дрожь.

– Что вы с ним сделали? – неприязненно спросил Дрыга.

Рука его легла на гриф стоявшей рядом гитары.

– С ним все в порядке, – ответил Александр. – Через несколько минут полностью придет в себя. Не волнуйтесь. – И уже более раздраженно: – А вот гитару оставьте в покое! Неужели вы не понимаете, что выглядите глупо?

Дрыга насупился, но руку с гитары не убрал. Скорее из принципа. Заговорил Барик:

– Что это было?..

Он дико озирался по сторонам. Наконец взгляд его остановился на Александре.

– Резонный вопрос, – хмыкнул тот.

– Кто... Как вы узнали?.. – Он закашлялся и был вынужден замолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.